

А дед был хорош. Без шапки, в серой, как пашня, расстегнутой на сухой загорелой груди рубахе...

К рассказу Янки Брыля «Надпись на срубе».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 20 (1613) 36-й год издания

11 МАЯ 1958

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Надпись на срубе

Янка БРЫЛЬ

Рассказ

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

1

Две рыбацкие деревушки, где живут дед Вячера и внучек его Михась, разлучает большая вода. Дедова деревня, Подволока, стоит на южном склоне неширокого полуострова, который, врезаясь в озеро длинной косой, делит надвое глубокий залив. Нивищи, где почти семь лет назад родился Михась, видны, если смотреть с конца косы, на восточном берегу — километров пять по воде.

Еще очень рано. Августовское солнце только собирается взойти. Михась еще спит в сарайчике на сене, до ушей натянув видавший виды мамин кожушок. Пойдем сперва к дедушке, в Подволоку.

Земля здесь плохая, песчаная, и очень ее мало: только и всего, что на косе, по гектару, по два на хату. Подволоковцы спокон веку живут рыбой — и до Советской власти и теперь, когда они стали лучшей бригадой большого рыбхоза. Все здесь у них рыбацкое: и название деревни пахнет рыбой, как неводы-подволоки, и озеро пахнет, и песок, и хаты, и ножи, которыми режут хлеб, и подушки, которые кладут гостям на сеновале...

Дедова хата глядит всеми окнами на озеро, на солнце. За гумном (а гумна здесь, по урожаю, маленькие), на высоком взгорке торчит заросший бурьяном немецкий дот, еще с первой мировой войны. С него, как на ладони, видно все озеро — водный простор, заполняющий почти весь горизонт.

Покуда жива была старая Вячериха, она часто взбиралась по тропке на этот дот и из-под руки выглядывала своего неутомимого Остапа. Прожила она, грех жаловаться, семьдесят семь годов. А вот уже десять минуло, как дед, малость постарше ее, живет один. И только нынче перестал он рыбачить, проведя на этой тяжелой работе не какие-нибудь там тридцать лет и три года, как тот, что поймал золотую рыбку, а ровно семьдесят пять. Многие рыбаки даже не помнят уже, когда это деда Вячеру прозвали «королем угрей» — лучшим мастером по ловле той удивительной рыбы, которая в грозовые ночи выходит из глубин на блеск молнии и скачет змеей над волнами, которая выползает по росе на берег полакомиться молодым горохом, а нерестовать идет в далекое теплое море... Теперь старик уже один взбирается иной раз на высокое местечко, где поджидала его когда-то Ганулья, и так же из-под руки, но куда более острым глазом, глядит на милую сердцу воду, ласку и капризы которой он изучил не хуже, чем нрав своей покойницы, а дно озерное — лучше, нежели пол родной хаты.

По давней привычке и сегодня отставной «король угрей» поднялся до рассвета. Внучки еще спали на широкой постели за печкой — куда рука, куда нога. Невестка тихо копошилась тут же, начиная одеваться. Прикрыв кепкой нерасчесанную седину, дед вышел из хаты, осторожно скрипнув дверью. Смахивая серыми штанинами росу с зеленой картофельной ботвы, как-то косо ставя сухие загорелые ступни, словно стараясь покрепче держаться за землю, старик двинулся по той самой тропке-борозде наверх, на тот самый семейный НП. Он спешил; однако, взойдя на дот, казалось, замер, глядя туда, откуда вот-вот должно было показаться солнце.

На востоке, за тихим заливом, за соснами, на далеком пригорке, вспыхнул язык пламени... Нет, это не почудилось: он окреп, стал разрастаться, принимать полукруглую форму и наконец, превратившись в багряный круг, прямо на глазах оторвался от земли. И тут же нырнул верхним краем в тучку, затянувшую в том месте горизонт.

Высоко-высоко над головой порозовело легкое облачко. Узкая тучка на горизонте все наливалась и наливалась краской, а облако в вышине светлело, теряло румянец. Огненный круг еще одним усилием прорезал верхний край тучки. Озеро радостно засияло.

Даже отсюда, с дота, теперь видно, как за огромной липой, за редкими и тощими копенками ржи, за отцветающей гречихой и ольшаником, в первых лучах нового дня поблескивают крылья чаек. На юге, за большим заливом, четко отражается в воде высоко поднятый желтым обрывистым берегом сосняк. На севере, там, где деревня и рыбхоз, вдоль берега пополз легкий туман... Можно подумать, что старый академик Василий Романович, добрый знакомый деда, опять затопил на новой даче печку и опять ворчит на печника, а дым, как и вчера вечером, опять не тянет вверх... На восток не очень-то поглядишь: солнце взяло свое!

А над всей этой красотой, в чистом небе, чуть в стороне от облачка, уже потерявшего румянец, стоит полная луна. Она не светит: пропустив вперед солнце, она отступила, скромно побледнела и вскоре незаметно исчезнет...

Но старый Вячера глядит на восток не для того, чтобы любоваться видом: оттуда должны показаться лодки. Бригада еще не вернулась с первого в нынешнем году лова силявы. Собственно, бригада бригадой, а нужен старику сын. Даже не столько сын, как лодка... Под козырьком мятой кепки, под сединой бровей напряженно жмурятся глаза. Они нагляделись за свой век и на ясное солнце, которого так много на прозрачной озерной воде, и на студеную черную темь, когда вода и ветер — не разберешь, кто сверху, кто снизу,— издеваются над упорством человека. Уже усталые, но все еще по-рыбачьи терпеливые, быстрые глаза разыскали все же в веселом блеске золотой воды то, что им нужно.

— Идут,— прошептал старик.

Четыре лодки подошли к берегу почти через час.

Не только все женщины и старики, но и младшие отпрыски рыбачьих семей — как это ни странно для прибрежных жителей, все такие черноногие — высыпали на влажный, затоптанный песок. Вслед за людьми на встречу силявы вышло из хат, чердаков и всевозможных закоулков все кошачье население Подволоки. Взрослые оживленно переговаривались и перекликались с лодками. Дети, закатав штанишки и приподняв юбчонки, шумно полезли потрескавшимися ногами в чистую и тепленькую, словно нагретую, воду. Коты — в зависимости от возраста — то нетерпеливо похаживали, задрав хвосты, терлись о ноги хозяев и надоедливо вякали, то сдержанно, солидно облизывались, жмуря ленивые глаза... Только один, самый бывалый и опытный тигров свояк, известный на всю деревню бродяга и вор Терешка, сидел поодаль на зеленом пригорке, скептически поглядывая на воду и на сушу.

Четыре большие черные лодки одна за другой черканули носами по песку. Бабы, деды и дети с веселым гомоном двинулись к лодкам, а рыбаки, более сдержанные в выражении своих чувств, потащили навстречу им коричневые охапки сетей, в каждой из которых неживым уже серебром переливались неисчислимые сотни силявок. Началась кропотливая работа — выпутывание рыбы из ячеек сети, погрузка в ящики для отправки, когда подойдет рыбхозовский катер.

Вчера старый Вячера, которому и на пенсии не сидится дома, сам выбрал место — надежное, верное. Все четыре тридцатиметровых полотнища сетей, незаметной стеной опущенные в глубину на якорях и поплавках, были теперь густо утыканы силявой: не один ее резвящийся или напуганный щуками косяк напоролся на невидимую капроновую смерть. Как всегда, старая силява засела в ячейках жабрами, а молодь, подсилявники,— пупками. Нежная, жирная рыбка заснула давно, только-только попав в беду, однако и в сети, и в руках, и в ящиках, стоящих на берегу, она приятно пахнет вкусной, соблазнительной свежестью.

— Ну, батька, тоня, брат ты мой, удалась — во!

Сын Вячеры Иван, высокий белобрысый мужчина лет сорока, что только с этой зимы вместо отца ходит в бригадирах, вытер руки о штаны и стал сворачивать цигарку.

— Сегодня пойдете туда, за Качан, на Митрофаниху.— Глубоко пряча гордую радость, дед показал длинной рукой на водяную бескрайнюю гладь.— Может, ты в лодке покуришь, Иван? Поехали!

— Куда?

— А ведь я вчера говорил.

— Ты опять за свое!.. Ганночка!.. Не ломай ты! Эх, лягушонок! Не умеешь сама, так на маму гляди!..

Пухленькая девочка с большими светлыми глазами, очень похожая на отца, возилась с уже измятой и растерзанной рыбкой, тщетно стараясь вытащить ее из ячейки сети. Молодой пестрый и поджарый кот, словно желая помочь малышке, с налета вцепился в рыбку, яростно мур-

лыча. Девочка крикнула: «Апсик, чтобы ты сдох!», — а отец схватил кота под живот, размахнулся и швырнул его в воду.

— Еще и он, ядри его айн, цвай, драй!..

Это прозвучало сигналом тревоги. Терешка — самый бывалый и наиболее скептически настроенный тигров свояк — молнией шуганул от воды. За ним — все кошачье поголовье. Пока тот пестрый поджарый горемыка выбирался из воды, отчаянно молотя лапками, все его одноплеменники уже облизывали усы, с заборов и крыш поглядывая на потерянный рай.

Почти никто и не смеялся; разве что Ганночка и другие малыши. Глядя на них, улыбнулся и молодой Вячера, скрыв под этой улыбкой свое раздражение.

— Эх, батька! И вздумалось же тебе, брат ты мой!.. Ну что ж, пойду, возьму пилу и топор...

2

Южный берег большого залива, к которому направились старик и Иван, встречает вечно живым шумом соснового бора.

Хорошо здесь, если есть досуг полюбоваться!..

Вот и сейчас: по низу стелется вереск в веселом, утреннем свете, а над вереском — тоже залитые солнцем — густо вздымаются высокие сосны. Хорошо закинуть голову, заглядеться на их серо-зеленые, со стальным отливом, кудрявые вершины на фоне теплой лазури и голубых облаков. Сосны гудят. Словно рассказывают чудесные сказки детства — одну за другой — неутомимо и радостно, тихо и мудро, как умеет добрая, погожая старость. Озеро сегодня молчит. У низкого берега, песчаного, кое-где в пятнах реденькой травки, чуть слышно прихлебывает волна. Чайки играют над зеркальной водой, пикируют на добычу, садятся на влажный, вылизанный волной песок. Тут же, вытолканная на берег не одним бурным прибоем, незаметно превращается в прах, доживает на солнце свой век разбитая лодка. По рыбацкому обычаю лодку бросают там, где ее настигла последняя беда.

Дальше на юг — обрывистый берег. Высокий, с морскою галькой внизу, с мыльным намывом пены. Вода дни и ночи, годами подмывает желтые слои песка, который оползает, предательски оголяя корни самых смелых сосен, густо вышедших здесь на край обрыва. Они — большие и поменьше — отчаянно цепляются за обрыв, а потом все-таки падают... А наверху по-прежнему потрескивают под ногами мелкие сучья, старые хрусткие шишки. Выглядывают милые глазки ивана-да-марьи. Время от времени в вершинах пересвистываются коршуны, и никак не подходит им этот свист, ничуть не молодецкий и не грозный.

Очень бывает приятно, когда в дикую чащу с живописной тропинкой, петляющей вдоль берега, врежется вдруг клин душистой палевой ржи или цветущего картофеля,— свидетельство, что и здесь потрудилась рука человека...

«Король угрей» сидит на корме, правя небольшим веслом, и внимательно вглядывается в недалекий, поросший соснами берег, словно что-то там выбирает. Подбородок старика, в густой щетине, больше чем когда бы то ни было задран кверху, чуть не к самому носу. От этого всегда спокойное, приятное лицо деда кажется сейчас не просто злым, а даже хищным.

Причина этой злости с лодки еще не видна: она вот-вот откроется за поворотом... Но старик уже видит ее: перед глазами его с самой весны стоит густой, высокий Переймовский бор, искалеченный ранами подсочки... Еще один след человеческой руки...

«Чтоб ей, этой самой, и отсохнуть! Не дай боже, коли рука без головы!..»

Так, кажется Ивану, думает сейчас его неугомонный батька.

А у Ивана уже злость прошла. Он не спеша, с прирожденной рыбачьей ловкостью работает веслами и время от времени улыбается, глядя на надутого отца. Правда, Ивану очень хочется есть, но что ж поделаешь: старый — что малый!.. Гребец сидит спиной к берегу, к которому они плывут, и из-за плеча рулевого — то слева, то справа — ему все еще хорошо видна родная Подволока. Серые стрехи. Редкие деревья. Липа — словно темная туча за их гумном. Левее — дряхлый ветряк, уже только с двумя ободранными крыльями, очень похожий на стрекозу. Между липой и ветряком бородавкой торчит дот. Лодки и люди на светлом берегу. Народ уже расходится... Эх, ядри его айн, цвай, драй! Славно бы сейчас растянуться на свежем сене под прохладной крышей гуменца! И чтоб Маня туда поесть принесла, а? Чтоб двери сами за ней затворились, а?..

Иван со стариком были уже совсем недалеко от цели. Уже слышен был за всплесками весел печальный шум подсоченной переймовской сосны. И тут вдруг произошло нечто совсем неожиданное... Вся Подволока стала видна Ивану из-за спины старика и поплыла, поплыла, поплыла вправо...

— Ты куда повернул, батька?

— Куда надо. Махай живее!..

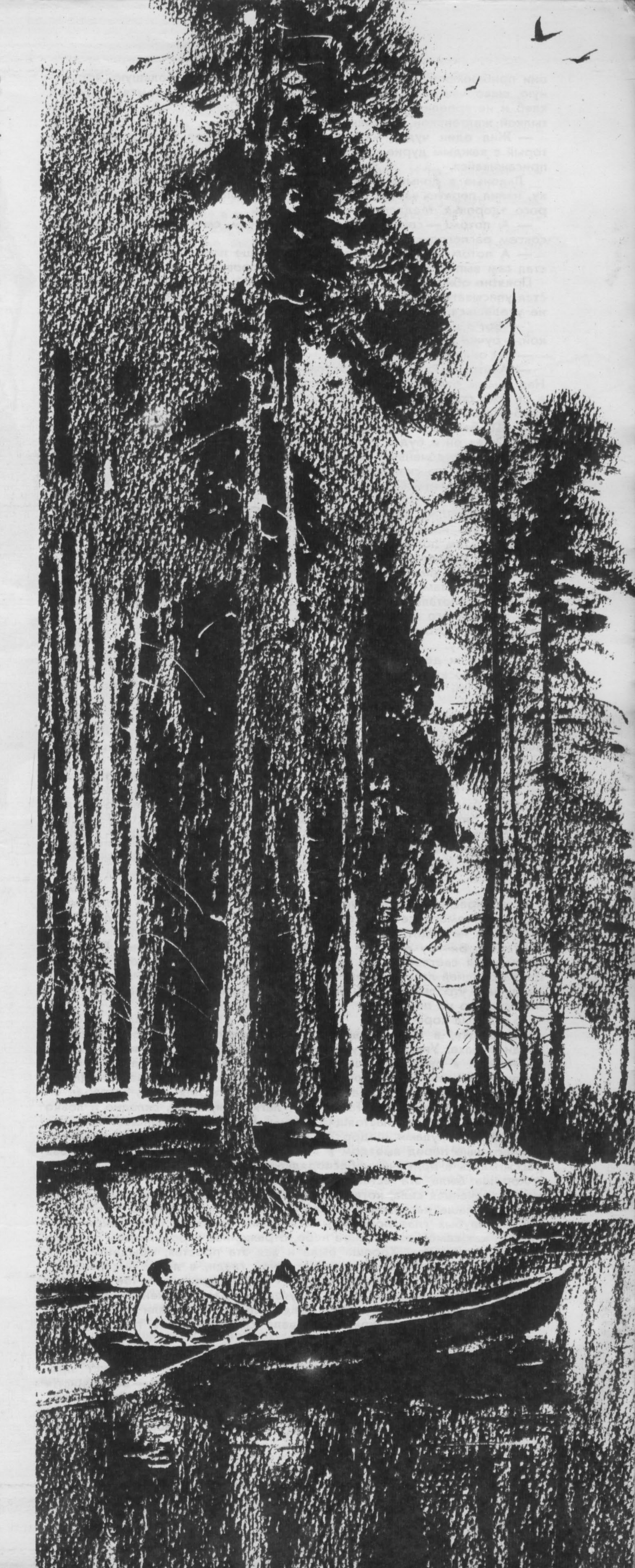
Иван сперва озлился — ну, вовсе в детство впал старик! — а потом рассмеялся. Они повернули домой... Ну, что ж,— потом, когда старик отойдет, узнаем, что это за выверты. А тем временем даже как будто запахло жареной силявой...

Изгибы волн, растревоженных лодкой, отражаются, поблескивают на песчаном дне. Дальше от берега, на глубине четырех — пяти метров, видны густые высокие водоросли — точно лес под крылом самолета. Потом исподволь начинается «поглубь» — таинственная сине-серая бездна. Там где-то неслышно рыскают в поисках добычи огромные, как бревна, ненасытные щуки. Рыскают, а в сеть не хотят!..

Когда лодка пристала к опустевшему берегу, у сетей, развешенных на кольях, уже не сновали даже контролеры-коты.

Силява жарится без всякого жира. Можно даже, если спешишь, и не чистить ее, достаточно перемыть как следует. Жарить ее лучше всего в печи, чтоб рыбу подрумянило легкое пламя сухих сосновых поленьев.

Когда мужчины вошли в хату, Маня, еще через окно увидевшая, что

они приближаются к берегу, тут же подала на стол большую, ароматную, шкворчащую сковороду. Иван нарезал толстыми ломтями свежий хлеб и нетерпеливо позвал из сеней отца. Старик вошел в хату с бутылкой желтенькой перцовки.

— Жил один чудак,— сказал он, ставя на стол поллитровку,— который с каждым дурнем чаркой делился. Дай, Маня, стакан. Да и сама присаживайся.

Ладонью в донышко он легко выбил из бутылки картонную пробку, налил первую чарку. Торжественно пожелал сыну с невесткой доброго здоровья. Медленно, смакуя, выпил.

— А потом? — спросил Иван с затаенным смехом, глядя на почти совсем распогодившееся лицо старика.

— А потом он и эту порцию, что раньше подсовывал кому попало, стал сам выпивать. На доброе, сынок, здоровье!..

Приятно обжегши рот и все нутро пахучей, крепкой жидкостью, Иван стал уписывать за обе щеки. Эх, и рыбка же — силява! Даже косточкой не уколешься, как ни торопись!..

— Вот я и говорю,— начал старик, старательно двигая седой бородкой,— ручка бы та отсохла, что головы не слушает.

— Ты опять про подсочку!

— А что ж! Разве это порядок? Весь Переймовский бор подсочили. Над самым озером! Я еще, не при вас будь сказано, голозадый бегал, а он уже стоял. Две войны выстоял, а теперь вот нашелся дурак — на сруб его!..

— Вы, батя, ешьте,— тихо отозвалась полненькая чернобровая Маня.— Стоял он и будет стоять...

— Повалят, доченька! Год, два — и повалят! Потому и подсочку сделали... А ты чего скалишься?!

Иван, отсмеявшись, спросил:

— Так ты его пожалеть собрался? Пилой?

Старик вскипел, даже руку с ломтем хлеба поднял.

— То, что на дворе лежит, каждый дурень взять может. Ты мне не тыкай этим поленом в нос! Сам с головой, знаю, что делаю!..

— Ну и перцовка!.. У себя дома она и пьется лучше...

— А ты бы помолчал! — накинулась на Ивана жена.— Ешь да иди, куда надо! Я вам, батя, еще вот... Нашел над кем скалить зубы!

Она захлопотала у шестка и вернулась к столу с большой кружкой чая, заваренного на липовом цвете. С той самой липы, что, как туча, за гумном. Потом принесла желтый глиняный горшочек с медом и чистую ложку.

— А где ж дети? — спросил дед.

— Геля пасет. А Ганночка умчалась куда-то.

— А ты ей чаю давала?

— Давала.

— И Геле надо было тоже. Она что-то кашляла ночью...

Вконец разморенный лаской липового цвета с медом, который как-то очень удачно лег на перцовку и силяву, старик смотрел на единственного оставшегося в живых младшего, складного и веселого сына, на тихую работящую молодичку, от которой никто никогда дурного слова не слыхал. Смотрел и прихлебывал помаленьку. Подумал даже, что недурно бы сейчас прилечь на часок отдохнуть... Но, допив из кружки сладкую теплоту, он неожиданно стукнул посудиной по столу и встал.

— Что ж, пойдем, возьмем его! Поклич кого-нибудь еще — Храпуна или Степановых хлопцев...

3

Всего красивее бывает человек, когда он не знает об этом, когда не видит самого себя. К сожалению, чаще всего даже тогда, когда его никто не видит.

Старого Вячеру в лодке видела сейчас только пятилетняя Ганночка. Пухленькая светловолосая любимица семьи, она вертелась, как синица, на средней лавке перед своим дедушкой, смотрела на него, совсем не думая, что любуется, и то сама щебетала, то слушала, не горюя, что многого не понимает.

А дед был хорош.

Без шапки, в серой, как пашня, расстегнутой на сухой загорелой груди рубахе. Упершись худыми и пружинистыми, как смолистые ветви, ногами в ребро большой лодки, «король угрей» медленно и неустанно раскачивался вперед и назад, ритмично взмахивая тяжелыми веслами. Точно и скупо, как это и необходимо для дела, загребал он тихую, прозрачную воду. Так же вот легко и красиво, складно и ловко идут, махая косами, настоящие косцы. Белый морщинистый лоб над загорелыми скулами щедро окроплен потом. Седые волосы, хотя и причесанные перед выездом в люди, как только он снял кепку, снова рассыпались в привычном беспорядке.

Хороша была эта естественная, жизненная простота, эта все еще не растраченная сила, которую не иссушили и не исчерпали девять десятков больше каторжных, нежели радостных лет. Хорош был взгляд светло-голубых глаз под густыми седыми бровями, глаз, открытых и чистых, как само безоблачное небо, отраженное в родниковом зеркале бескрайнего озера. Хороша была и вся эта простая, обыденная картина: большая черная лодка на водяной глади, в лодке — серый дед и светленькая внучка, а за кормой, на буксире,— длинное сосновое бревно и протянувшийся вдаль треугольник растревоженной воды.

— ...И сковали они, внученька, деда цепями и погнали аж в Вильню. И стали они там в каком-то подвале скоблить меня плетями, лить в нос воду с керосином...

— А зачем?

— Чтоб больно было, внученька. «Ты,— говорят,— коммунист проклятый, безбожник, бунтовщик!» «Какой я,— говорю,— коммунист?» Весь народ обиженный, все наши рыбаки поднялися,— сколько есть деревень вокруг озера!.. Не хотим мы, чтоб вы его у нас под казну отбирали! «Мильч [1],— говорят,— хам! Мы у тебя,— говорят,— не только озеро, мы у тебя и здоровье отобрать можем!..» Однако же не отобрали, внученька, хоть я и побывал в этих самых Лукишках...

— А в каких это Лу-кишках?

— Смеешься, глупенькая! Это тюрьма такая, куда паны запирали нашего брата.

— А зачем?

— Чтоб он там гнил, внученька. Чтоб он супротив их не шел. А как ты не пойдешь? Беда сама тебя погонит. Как говорится, не ради пана Иисуса, а ради хлеба куса. Сколько людей шло за нашу мозолистую правду! И молодежь и старики. Даже и девки и бабы. А он мне говорит: «Ты коммунист!..» — и в тюрьму. Чтоб дома, внученька, семья твоя слезами кровавыми обливалась.

— А бабуля твоя обливалась?

Ганночка знает только с в о ю бабулю — мамину маму, которая время от времени приезжает к ним из той деревни, где совсем нет озера. Другая бабуля, о которой ей часто рассказывает дед,— существо почти сказочное, так как жила она давно и была, видно, только д е д о в а.

— Обливалась, внученька, еще как!

— А папа обливался?

— Хватило и на его долю. И на него, и на тетю Надю, и на тех твоих дядек, что на войне погибли. Батька твой был тогда уже настоящий работник.

— А мама?

— Она, внученька, жила еще у своей мамы, в Воробьях.

— А она обливалась?

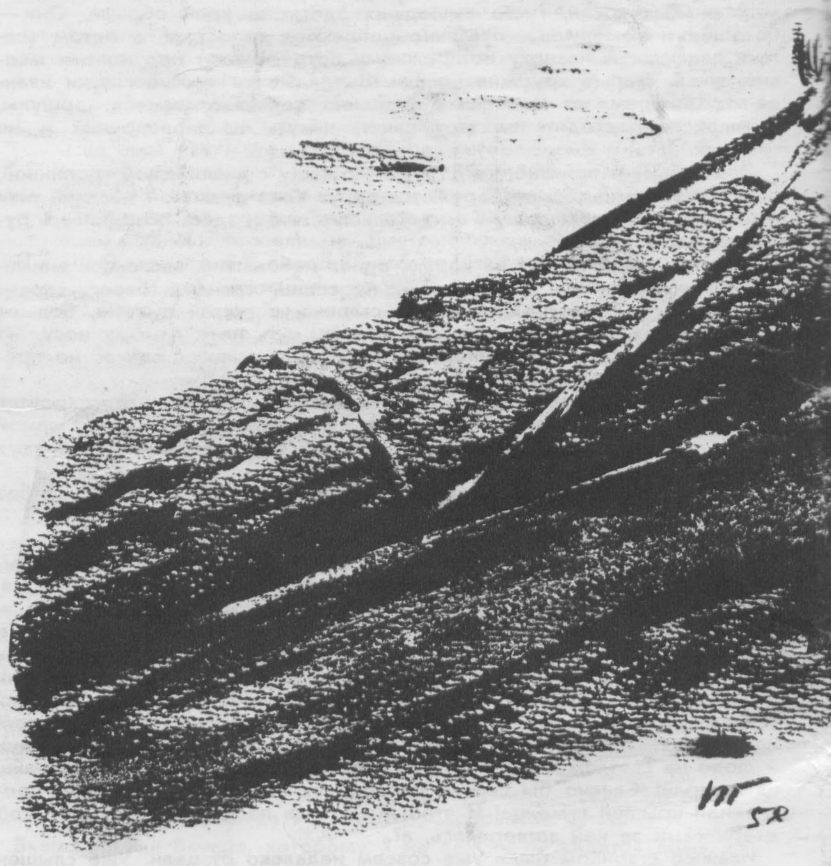
— Не знаю, сколько там на нее пришлось. Потому как было оно, внученька, так: кому — по ко́му, а кому — так и по два.

— Дедуля?!

— Ну?

— А я вот возьму да с лодки — скок!

— Я тебе скокну, глупенькая! Скокнешь, да и не выскочишь!

— И выскочу! Выскочу на полено, что лодка тащит, а потом побегу, побегу, побегу по полену!.. А потом по воде! И далеко-далеко-далеко! Вон туда, где лес, или еще дальше — туда, где солнце. Заберусь в тучку и — скок!..

Дед уже не отвечает на этот милый, как звон жаворонков над ними, лепет. Он тихо, беззвучно смеется, подняв весла и откинув назад голову.

Вот и рассказывай ей!.. Жили люди, сколько страху, сколько бед, сколько мучения всякого было, а она теперь и слушать не хочет. Как сказку на печи: интересно — глаз не сводит, а нет — не хочу. И пускай себе! Ведь двадцать лет уже прошло с тех пор, как мы, бедняки, тут бунтовали...

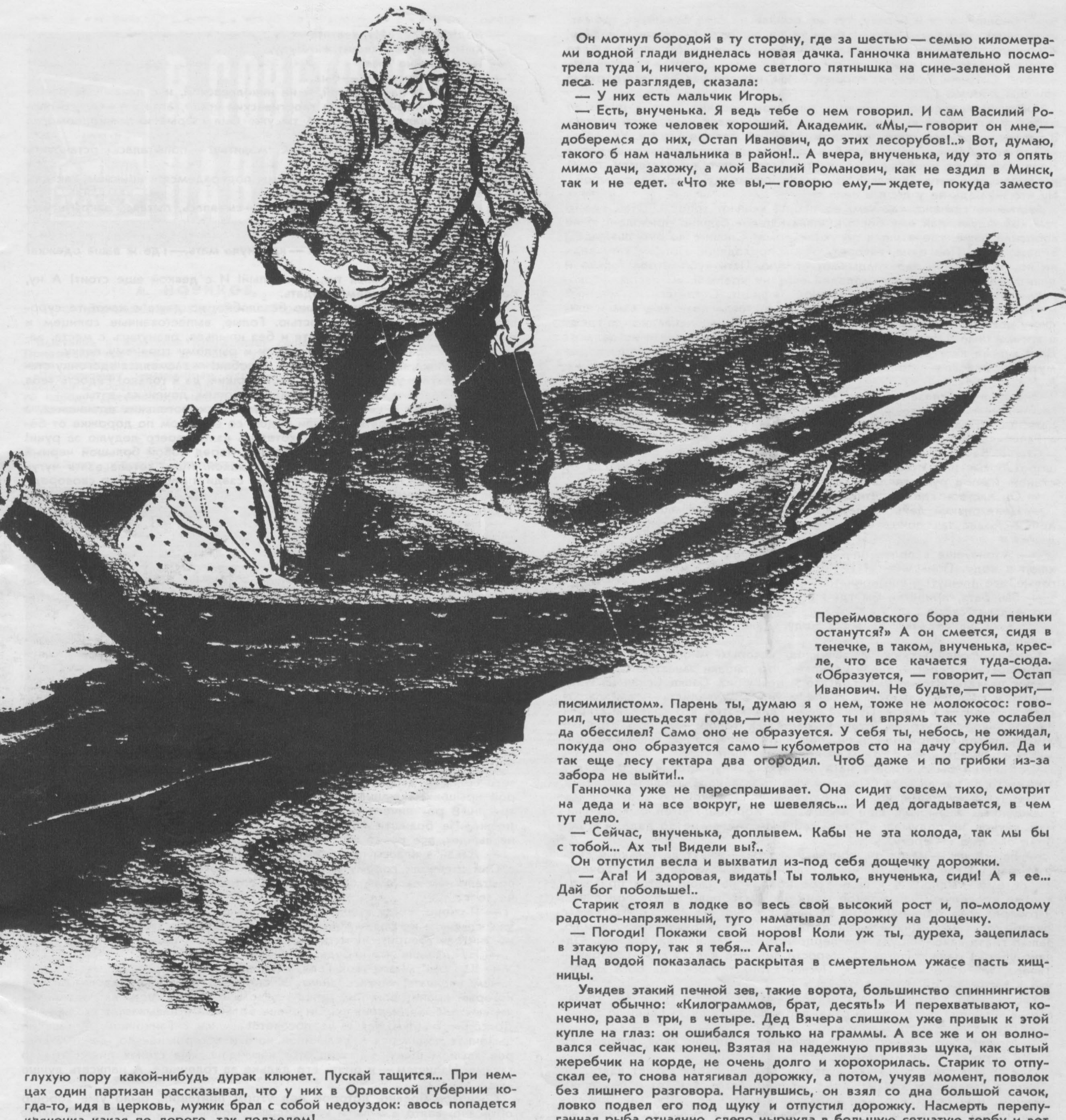
Дед и внучка молчат. И все вокруг молчит — и вода и небо. По дороге из Нивищей в местечко — деду уже хорошо видно — идут машины. Одна — с сеном, другая — со снопами, а то — пустые. Однако идут они бесшумно. Не слышно также и цокота жнейки вон там, на желтом поле, помахивающей крыльями. И чайки почти не летают. И рыба уже не жирует. Один только белый мотылек несется навстречу лодке. О, мимо! Из Нивищей в Подволоку. Мал, а не боится. Сидел бы там, дурачок, на своей капусте! Небось, намахаешься... Близкий ли свет! Молчит, не дает о себе знать и блесна на длинно отпущенной дорожке, дощечку которой дед подложил под себя. Время от времени он подергивает жилку, проверяет, хотя и не очень верится, что в такую

[1] Молчи (польск.).

Он мотнул бородой в ту сторону, где за шестью — семью километрами водной глади виднелась новая дачка. Ганночка внимательно посмотрела туда и, ничего, кроме светлого пятнышка на сине-зеленой ленте леса, не разглядев, сказала:

— У них есть мальчик Игорь.

— Есть, внученька. Я ведь тебе о нем говорил. И сам Василий Романович тоже человек хороший. Академик. «Мы,— говорит он мне,— доберемся до них, Остап Иванович, до этих лесорубов!..» Вот, думаю, такого б нам начальника в район!.. А вчера, внученька, иду это я опять мимо дачи, захожу, а мой Василий Романович, как не ездил в Минск, так и не едет. «Что же вы,— говорю ему,— ждете, покуда заместо

Переймовского бора одни пеньки останутся?» А он смеется, сидя в тенечке, в таком, внученька, кресле, что все качается туда-сюда. «Образуется, — говорит, — Остап Иванович. Не будьте,— говорит,— писимилистом». Парень ты, думаю я о нем, тоже не молокосос: говорил, что шестьдесят годов,— но неужто ты и впрямь так уже ослабел да обессилел? Само оно не образуется. У себя ты, небось, не ожидал, покуда оно образуется само — кубометров сто на дачу срубил. Да и так еще лесу гектара два огородил. Чтоб даже и по грибки из-за забора не выйти!..

Ганночка уже не переспрашивает. Она сидит совсем тихо, смотрит на деда и на все вокруг, не шевелясь... И дед догадывается, в чем тут дело.

— Сейчас, внученька, доплывем. Кабы не эта колода, так мы бы с тобой... Ах ты! Видели вы?..

Он отпустил весла и выхватил из-под себя дощечку дорожки.

— Ага! И здоровая, видать! Ты только, внученька, сиди! А я ее... Дай бог побольше!..

Старик стоял в лодке во весь свой высокий рост и, по-молодому радостно-напряженный, туго наматывал дорожку на дощечку.

— Погоди! Покажи свой норов! Коли уж ты, дуреха, зацепилась в этакую пору, так я тебя... Ага!..

Над водой показалась раскрытая в смертельном ужасе пасть хищницы.

Увидев этакий печной зев, такие ворота, большинство спиннингистов кричат обычно: «Килограммов, брат, десять!» И перехватывают, конечно, раза в три, в четыре. Дед Вячера слишком уже привык к этой купле на глаз: он ошибался только на граммы. А все же и он волновался сейчас, как юнец. Взятая на надежную привязь щука, как сытый жеребчик на корде, не очень долго и хорохорилась. Старик то отпускал ее, то снова натягивал дорожку, а потом, учуяв момент, поволок без лишнего разговора. Нагнувшись, он взял со дна большой сачок, ловко подвел его под щуку и отпустил дорожку. Насмерть перепуганная рыба отчаянно, слепо нырнула в большую сетчатую торбу и вот уже заколыхалась в ней над поверхностью воды, вот уже, освобожденная из сачка, шлепнулась на дно лодки. Старик вцепился одной рукой в ее толстый, как полено, хребет, другой мощным рывком прижал храп книзу и услышал, как внутри, в зашейке щуки, хрустнула кость. Блестящая скользкая рыбина перестала лихорадочно биться в руках, обмякла и легла на черное, просмоленное днище. Зеленовато-золотистая, в белый горошек.

— Два с половиной, от силы два шестьсот,— переводя дыхание, сказал, глядя на добычу, старик.

Слегка напуганная всей этой возней, светленькая Ганночка уже смеялась, подпрыгивая на лавке, всплескивая пухлыми загорелыми ручками:

— Михасю! Дедуля миленький, Михасю! И щука и мешок с силявой — все!

— Все, внученька, все ему,— говорил, еще тяжело дыша, дед, снова берясь за весла.

глухую пору какой-нибудь дурак клюнет. Пускай тащится... При немцах один партизан рассказывал, что у них в Орловской губернии когда-то, идя в церковь, мужик брал с собой недоуздок: авось попадется клячонка какая по дороге, так подъедем!

Потом старик вспоминает свое утреннее путешествие. Зря только время потерял, выбрался теперь из дому чуть не в полдень. Он долго молчит. А Ганночка тем временем перевесилась через левый борт и полощет ручки в воде.

— Садись, глупенькая. Не дай боже, случись что, так я не очень-то нырну за тобой. Из меня такая щука, что оба на дно. Садись хорошенько, как сидела.

Произнося эти слова, дед не перестает думать о своем. Но думать мало, надо и поделиться с добрым человеком...

— Живет иной,— начал он,— и сам не понимает, на каком он свете. Такой лес, внученька, что душа радуется. Над самым озером, сосна в сосну! А тут сделали подсочку!..

— А что это?

— Смолу выпускают из сосны.

— А зачем?

— Лес этот собираются рубить. Крапивою бы рубануть того, чтоб сидеть полгода не мог!.. Кто где вздумает, как вздумает, так лес и валит... Ходил я на днях в район. А по дороге зашел к Василию Романовичу, потому что мы с ним, внученька, любим иной раз погуторить. Вон туда!..

4

Силява очень вкусна и в ухе. И мудрить долго не к чему: перемыл ее — да в чугун, чем больше, тем будет жирней и вкусней. Соли туда,

несколько картофелин, если есть под рукой, хотя бы одну луковицу. Известно, если б перцу да лаврового листа — еще бы лучше. А то есть у некоторых мускатный орех... Эх, жаль сироту — не стерпеть животу! Сохрани, боже, от горшей беды, нежели уха без этого ореха или без перцу...

На загуменье деревни Нивищи, на сухом песочке, в трех шагах от озера, у ольхового куста, шевелится, потрескивает небольшой костер. В бледном пламени стоит треножка, а на ней большой чугун. Уха только что поставлена. Дочка деда Вячеры, еще нестарая, подвижная вдова Надя, только что прибежала со жнитва — сварить обед мастерам, перекладывающим хату. Поставив уху, Надя чистит щуку. «Рыба с рыбой... Ну что ж! Ведь не у себя в печи...»

Явственно слышно, как там, во дворе, тюкают топоры. Отец где-то там командует, дай ему бог здоровья. Этакое бревно приволок! И не спросила даже, где взял: в лесу или дома? Словно бы оно лежалое... Видать, свое. Под окна, говорит, очень подходяще. Потому хату ведь не новую рубят, а перекладывают старую. Пять кубометров только и дали в районе. Начальник молодой еще, но крепкий. «С лесом,— говорит,— тетечка, у нас сейчас большой дефицит. Стройтесь из местных материалов: из кирпича, из самана. А мы тогда поможем вам и шиферу достать». «Говоришь ты, хлопче, может быть, и складно, да где ж я эти местные материалы возьму, коли их в нашем колхозе не делают? Да с моими ли зубами мышей ловить? Пускай уж когда хлопцы подымутся. Юрка вон с топором на углу сидит, как настоящий работник. А Михась...»

Она подняла глаза от щуки и посмотрела на озеро. От берега до глубины — идешь, идешь, идешь, да и надоест. Вот малышам благодать! Как утята, плещутся на мелководье. Вот как кричат! И Михась там и Ганночка...

Старик Вячера подошел почти неслышно. Когда Надя оглянулась на шорох босых ног, отец, по обыкновению без шапки, стоял уже за ее спиной, из-под руки глядя туда, где шумели малыши.

— Он нас вон где встретил! — показал рукой старик.

— Целехонький день из воды не вылезает,— с усмешкой заметила дочь.— А вас так дождаться не мог. Уши все прожужжал: «Дед да дед!..»

— А она еще в лодке платьишко сбросила, штанишки сбросила да хлюп в воду. Понаучились! И не узнаешь теперь, которое твое: все голые, все плещутся, все кричат!..

— Вы, батя, прилегли бы где-нибудь да отдохнули. Сделают и без вас. А я вот скоро...

Старик, не отвечая, вошел в воду. Даже не закатав своих серых штанов.

Свежих людей — скажем, дачников, которых много приезжает на рыбхозовский берег,— очень удивляет, что рыбаки зачастую совсем не умеют плавать. Кто не умеет, а кто и не любит. Савка Секач из Подволоки и спал бы, кажется, в лодке, а уже лет двадцать — сам хвалится — не купался в озере. Пускай себе удивляются, кто хочет. И старик Вячера, «король угрей», тоже плавает, как топор. Об этом страшно думать, когда смотришь, как он спокойно стоит в лодке, выбирая перемет, а лодку швыряет с волны на волну, как щепку!..

Чтоб легче было сгибать натруженную спину, старик остановился только тогда, когда вода была ему уже по колено. С усилием нагнулся, зачерпнул жилистыми, корявыми руками чистую теплую воду и с наслаждением зафыркал. Еще и еще раз. Хорошо! Хотел было окликнуть внуков, но подумал: «Пускай себе! Им теперь не до деда...» И побрел обратно к берегу.

— Есть такие,— начал он, присев у костра,— живут да только и смотрят, как бы где урвать, цапнуть, стащить... Чужому не скажу, доченька, потому стыдно... И я ведь тебе колоду не свою хотел привезти, а тоже краденую. Вчера такое меня зло разобрало за эту подсочку... Я говорил уже тебе... Да и на Василия Романовича, что тянет... Уже с Иваном до самой Дикой Бабы доплыли. Леснику Буглацкому, думаю, залью глаза какой-нибудь там перцовкой и — как камень в воду... Однако уберег меня господь на старости лет. «Не наелся ты,— говорит,— Вячера, так и не налижешься. Пускай стоит та сосна да бога хвалит, что я хотел, да он хотенье отнял...»

Хвост дыма, черт его знает откуда, махнул Наде в глаза. Не утирая слезы, женщина смотрела на отца, держа сковороду за длинную ручку, и не могла придумать, как начать...

— Может, батя, Ивану это не понравится, что вы свое, готовое со двора берете? Ивану или Мане...

— Оно известно, доченька, готовое каждый дурак может взять. Но я еще в своей хате хозяин. Кому не понравится, так тот и помолчит. Скажем, мое солнышко уже на закате, я уже не могу, как прежде, день и ночь на угря ли тебе, или на силяву, или на щуку... Однако же и пенсия моя, мои пятьсот рублей, тоже на земле не валяются!.. Да что-то мы с тобой, доченька, не о том. Брат тебе Иван или не брат? Двое ведь вас только — меньших — и осталось у меня! А такой Мани, как наша, днем с огнем поискать...

К слезе, вызванной дымом, присоединилась вдруг еще одна. Надя ниже склонилась над сковородой.

— Ничего, доченька... Кабы она, беда, только по лесу ходила! Здесь не подменишь: дай-ка я, может, за тебя помру. Сколько уже раз я бы лег за это время!.. Мать твоя, покойница...

Но здесь их грустную беседу прервал детский смех и крик:

— Ура! Сдавайся!

Это кричал Михась, и поддерживала его, не менее воинственно, Ганночка. Оба голые, мокрые, вывалявшиеся в песке.

Они подкрались из-за куста. Все вышло очень удачно. Сперва они ползли — совсем-совсем так, как Михась видел недавно в кино. Потом бежали, согнувшись. Потом опять ползли... Да вот только дед совсем не испугался. Он сидит, обняв худыми руками мокрые колени и, закинув голову, хохочет.

— Дед! Ну, дед! Ну, хватит!

— Хватит, внучек, хватит. Не буду.

— Ты на войне был?

— Да провались она — был.

— Я знаю! И на японской, и на николаевской, и с панами за озеро воевал!.. За ту войну у тебя георгиевский крест, а за эту — всего партизанская медаль. Потому что ты уже был старый и только помогал партизанам!..

— Будет уже! Затвердил, как молитву! — попыталась остановить его мать.

— А Ганночка говорит, что если мы подкрадемся и крикнем, так дед испугается... А ты...

— И не говорила! И не говорила! — смеялась, пытаясь закрыть ему рот, девочка.

— А я ей сказал...

— Да будет уже, ты, смола! — крикнула мать.— Где ж ваша одежка?

— Там!

— Вояка! Раскричался тут, голопупый! И с девкой еще стоит! А ну, бегом одеваться! Будем обедать.

Все это говорилось не только беззлобно, но даже с какой-то суровой многообещающей нежностью. Голые, выпестованные солнцем и водой рыбацкие ангелочки, хотя и без крыльев, рванулись с места, забавно перебирая ногами по желтому и рыхлому горячему песку.

— Девчушка, не сглазить бы, что колобок! — засмеялся вдогонку старик.— И Михась удалой хлопец. Чисто ершик, да и только! Радость тебе одна — и малой и старший. Справные хлопцы, доченька, а ты...

Вскоре ершик и колобок, один в черных коротеньких штанишках, а другая в светлом платьице, шли рядом со стариком по дорожке от берега к срубу, и до чего же им хотелось взять своего дедулю за руки! Однако обе они были заняты: дед нес перед собой большой черный чугун с горячей ухой, обернув его тряпкой. Мать хотела взять чугун сама, но дед ей не дал. И вот она идет сзади и несет только сковороду и миску с кусками жареной щуки.

— Дед! — забегает вперед Михась.

— Ну что?

— А ты-то полено поднял бы?

— Какое?

— Ну, то, что ты приволок!

— А-а, то. Надо полагать, поднял бы. Только, если б выхлебал всю эту уху, да, может, еще кабы умял всю щуку. Ну, да хлеба тоже буханку с доброе колесо.

— А мы купались, так хлопцы говорят, что ты не поднял бы.

— Э, ничего они не знают.

— Глобышев Ленька, так тот не знает даже, за что ты называешься «король угрей»!..

— Вот видишь! Какой, внучек, король,— такая и слава.

Возле сруба под сиренью обедали дед, мама, ихний Юрка, два чужих дядьки, что нанялись перекладывать хату, и Ганночка с Михасем. Малыши сидели, конечно, по обе руки деда. Потом мама опять ушла в поле, а те дядьки, Юрка и дед, «прилегли чуток отдохнуть». Чуток, чуток... А сами уже заснули, уже и храпят!

Михась задумался, стоя перед своей гостьей посреди пустого, залитого солнцем двора, усыпанного щепой и перетертой соломой со старой крыши. На вишне они уже сегодня были дважды. Яблоню тоже трясли. В рот ничего не возьмешь от оскомы. Купаться, пожалуй, попозже. На большак идти неохота. В поле, следом за мамой, ничего не выйдет, все равно прогонит назад...

— Давай в классы поиграем! — сказала Ганночка.

Они отгребли солому и щепки, нарисовали палочкой «классы». Попрыгали немножко на одной ноге, а потом Михась сказал, что больше не хочет.

— Я скоро пойду в школу,— сообщил он новость, которую Ганночка уже слышала не раз.— Мне еще двух месяцев не хватает до семи лет, но учитель говорит: ничего. И я уже умею писать.

— Ну напиши что-нибудь. Как наша Геля.

— Как раз, много твоя Геля напишет!..

Чем написать, Михась знает. У старшего плотника, дядьки Антося, который храпит вон там между дедом и Юркой, есть за голенищем черный плоский карандаш. Он очень большой и называется столярным. Долго не раздумывая и не посоветовавшись с Ганночкой, Михась на цыпочках подкрался к дядькиной ноге и осторожненько, даже подперев языком щеку, вытащил этот карандаш. «На стенах пишут только такими. Напишем — и опять его дядьке за голенище. А написать лучше всего здесь».

Сосновое бревно, которое дед утром притащил, было уже хорошо обтесано, взято в углы и называлось теперь подоконьем. Оно легло в стену как раз на уровне Михасевых глаз. Забыв, что дядькин карандаш не химический, мальчик послюнил его и взялся за работу. Пока он, пыхтя, опять подперев щеку языком, выводил шесть букв, из которых слагались его два заветных слова, Ганночка смотрела на руку Михася и на таинственные выкрутасы толстого карандаша, как зачарованная. За шестой буквой стала точка. Чтобы ее написать, Михась в последний раз послюнил столярный карандаш и ввинтил эту точку ямочкой в не совсем затвердевшую смолисто-ароматную древесину.

— О! — произнес он тоном победителя.

— А что это?

— Вот и не знаешь!

— Ми-хась-ка, что-о?

Черненький загорелый ершик, внук старого «короля угрей», гордо и радостно прочитал:

— «Мой дед».

Авторизованный перевод с белорусского А. ОСТРОВСКОГО.

В СОВЕТСКОМ ПАВИЛЬОНЕ

А. НОВИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Выставка в Брюсселе продолжает свою работу. Приезжают все новые и новые туристы, открываются достраивавшиеся павильоны.

По-прежнему неизменным успехом пользуются экспонаты советского павильона. Здесь всегда много народу. Достижения нашей страны привлекают ежедневно десятки тысяч посетителей.

Здесь работают советские станки-автоматы. →

У входа в павильон продаются сувениры — деревянные «матрешки».

Большим успехом пользуются советские книжные издания.

Посетители подолгу рассматривают модели пассажирских самолетов.

Встреча в Кремле: Гамаль Абдель Насер, К. Е. Ворошилов, Н. С. Хрущев, А. И. Микоян, А. И. Кириченко.

Фото А. ГОСТЕВА.

ВИЗИТ ДРУЖБЫ

Накануне первомайских праздников — 29 апреля — Москва гостеприимно встретила Президента Объединенной Арабской Республики Гамаль Абдель Насера, прибывшего в СССР по приглашению Президиума Верховного Совета СССР. Высокого гостя сопровождают: вице-президент ОАР Абдель Латиф Махмуд эль-Богдади, вице-президент ОАР Акрам эль-Хаурани, министр просвещения Камаль эд-Дин Хуссейн, министр иностранных дел д-р Махмуд Фавзи, государственный министр по делам президентства республики Али Сабри, министр муниципалитетов и провинций Сирийского района Объединенной Арабской Республики Ахмед Абдель Керим, директор службы общей информации ОАР посланник Салах Мохамед Наср и другие.

В Москве Президент Гамаль Абдель Насер и сопровождающие его лица приняли участие в первомайских празднествах, побывали в Большом театре на балете Глиера «Красный цветок» и посетили Московскую соборную мечеть. Они были также желанными гостями рабочих Московского автомобильного завода имени Лихачева и студентов МГУ имени Ломоносова.

30 апреля состоялась беседа между Президентом ОАР и советскими руководителями. Во время беседы, протекавшей в дружественной атмосфере и в духе полного взаимопонимания, состоялся всесторонний обмен мнениями по вопросам дальнейшего развития отношений между Объединенной Арабской Республикой и Советским Союзом, а также по некоторым вопросам современного международного положения.

3 мая Президент Объединенной Арабской Республики Гамаль Абдель Насер отбыл из Москвы в поездку по Советскому Союзу.

Гамаль Абдель Насер и сопровождающие его лица на Московском автомобильном заводе имени Лихачева.

На Ташкентском аэродроме.

Обед у Председателя Президиума Верховного Совета Узбекской ССР: Гамаль Абдель Насер и Ш. Р. Рашидов.

В колхозе «Кзыл Узбекистан». Председатель колхоза Герой Социалистического Труда А. Маткабулов дарит Гамаль Абдель Насеру скакуна карабаирской породы.

Гамаль Абдель Насер и Н. А. Мухитдинов на Ташкентском текстильном комбинате имени И. В. Сталина.

На выставке «Памятники культуры и искусства народов Объединенной Арабской Республики».

Фото Б. Кузьмина.

ИСКУССТВО АРАБСКОГО ВОСТОКА

На небольшом стенде лежат рукописи, описания путешествий: купца Трифона Коробейникова в Сирию в конце XVI века, патриарха Антиохийского Макария в Россию в середине XVII века и Василия Гагары в Египет и Сирию в 1634—1637 годах. Эти давние свидетели взаимных интересов русского и арабского народов находятся сейчас в Москве, на выставке «Памятники культуры и искусства народов Объединенной Арабской Республики».

Произведения В. Д. Поленова, К. Е. Маковского, М. С. Сарьяна, экспонированные здесь, передают восторженные впечатления русских художников, побывавших на берегах Нила. О существующих сейчас творческих направлениях и исканиях арабских художников рассказывают живопись и прикладное искусство современных мастеров. В экспозиции представлены недавние работы Назема Джафари, Хасиба Али, Изата, Исса Хасиба Ахмеда.

Прекрасны истоки древнего арабского искусства! И с ними тоже можно познакомиться на выставке. Три тысячи — две тысячи лет до нашей эры... Эти даты значатся на некоторых этикетках. К той же эпохе относятся небольшие раскрашенные скульптуры из дерева: группа идущих писцов, женские и мужские портреты, погребальная лодка с гребцами, связанная с представлениями того времени о загробном странствии покойника.

Во всем мире известны фаюмские портреты, названные так по имени района, в котором они были найдены. Эти живописные реалистические произведения, сохранившие до наших дней сочность живописи, относятся ко II веку нашей эры.

Большой интерес представляют коптские ткани IV—VII веков нашей эры — памятник искусства раннего христианства. Разноцветные сосуды из стекла и ткани, небольшие скульптуры и погребальные маски, медальоны и книги, фрагменты инкрустации мебели, монеты — все это в целом дает представление о самобытной и интересной культуре народов арабских стран.

Н. СВЕТЛОВА

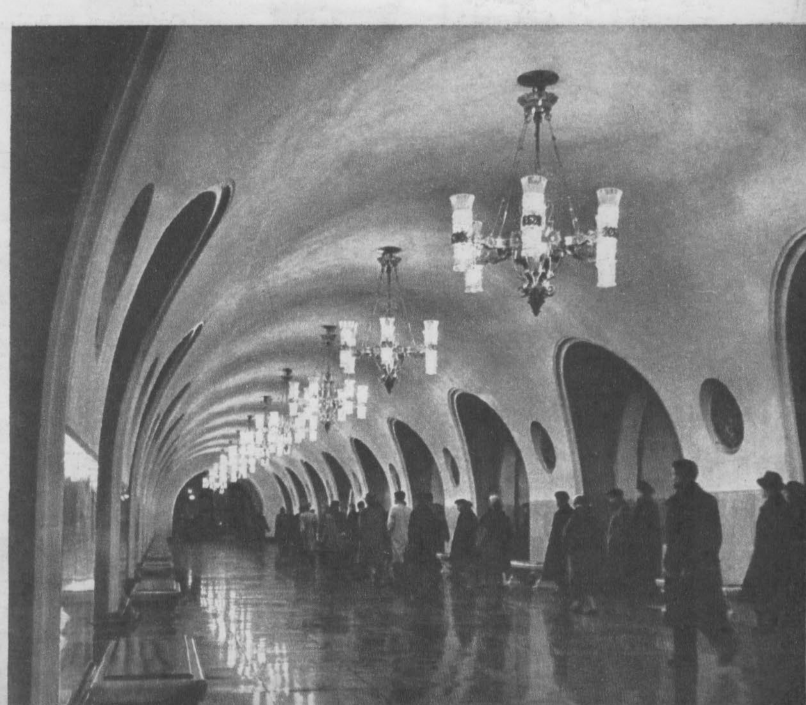
НОВАЯ ЛИНИЯ МЕТРО

Подземные магистрали столицы, по которым с утра до поздней ночи стремительно мчатся голубые экспрессы, стали длиннее: к существовавшим 129 километрам прибавилось еще пять с половиной. В строй станций метро встали новые: «Ботанический сад», «Рижская», «Мир» и «ВСХВ». Теперь в Москве 47 станций.

29 апреля, перед открытием нового радиуса на митинге, который собрался на станции «ВСХВ», Н. С. Хрущев от имени партии и правительства поздравил строителей с победой. 1 мая, в 6 часов утра, станции новой линии распахнули двери для пассажиров.

На снимке: станция «ВСХВ».

Фото И. Тункеля.

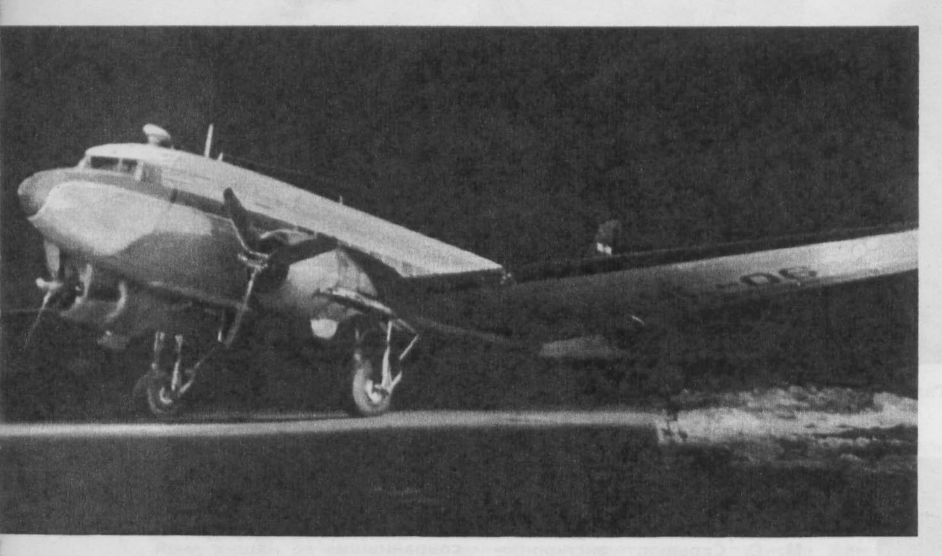

Паньмыньчжон.

НА «КОРЕЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ» ГРАНИЦЕ

С. ПОДКОЛЗИН

Фото корейского фотоагентства.

Американский самолет, приземлившийся в КНДР.

Паньмыньчжон... Это слово знает весь мир. Здесь пролегла 38-я параллель, разделяющая корейскую землю на две части: северная стала народно-демократической республикой, южная — вотчиной американских империалистов. В Паньмыньчжоне проходит демаркационная линия; здесь работает нейтральная комиссия по наблюдению за перемирием — развеваются флаги Польши, Чехословакии, Швейцарии и Швеции.

Посетив недавно Паньмыньчжон, мы оказались свидетелями многозначительного события: здесь состоялась передача пассажиров американского самолета, перелетевшего в Северную Корею. Однако не все из перелетевших возвращались на Юг. Восемь корейцев, жителей Юга, пожелали остаться в КНДР. Как же произошел этот перелет?

...Самолет шел на высоте более двух с половиной тысяч метров. Путешествие близилось к концу. Пассажиры — депутат Национального собрания, лисынмановские офицеры, турист из Бонна, купцы — уже спрашивали стюардессу, сколько еще предстоит пробыть в воздухе.

— Десять минут,— отвечала она.

И вот тогда два пассажира прошли в кабину пилотов, и самолет вдруг изменил курс: корейцы, которым стала нестерпима лисынмановская политика, рискуя жизнью, решили перелететь к своим братьям на Север...

Истребители, встретившие самолет над территорией КНДР, посадили машину на один из аэродромов севернее столицы республики. И тут же, на летном поле, прибывшие разделились на две группы. Несколько человек не могли скрыть своей радости, другие забеспокоились: сейчас «красные» упрячут их за тюремную решетку. Но вскоре полковник южнокорейской армии, сопровождающие его офицеры и остальные пассажиры поняли, что бояться им нечего. Их разместили в отеле «Интурист».

Протокол подписывает представитель Южнокорейского Красного Креста.

Пока шли переговоры о передаче желающих возвратиться на Юг, они успели познакомиться с жизнью республики. Желающим была предоставлена возможность побывать на предприятиях, в Университете имени Ким Ир Сена, в театрах, учреждениях. Они беседовали со студентами, с крестьянами и рабочими. Особенно поразил их Пхеньян. На месте руин, в которые превратили этот большой город американцы, выросли десятки новых зданий. Ярко освещенные проспекты, залитые асфальтом улицы, кварталы жилых домов, строгие ансамбли зданий правительственных учреждений — словом, все выглядело не так, как это изображает южнокорейская пропаганда.

Некоторые южане высказывали недовольство, что решение их судьбы несколько затягивалось. Но можно было услышать и другое:

— Разве здесь плохо жить? Комфорт, отличная кухня, в любой час суток здесь горит электричество. Для нас, пусанцев, это роскошь. Мы пользуемся энергией с американских военных кораблей, которые дают ее, когда им вздумается...

Южнокорейцы побывали на промышленной и сельскохозяйственной выставке. Сначала они не верили, что только за последние два года промышленное производство в Северной Корее выросло на тридцать семь процентов, а товарооборот увеличился еще больше. Но когда южане увидели станки, машины, широкий ассортимент товаров легкой промышленности, изготовленных на новых предприятиях, они не могли скрыть удивления.

Их постоянно уверяют, будто Северная Корея готовится к войне. А здесь они узнали, что китайские добровольцы возвращаются к себе на родину. Многие потом говорили на пресс-конференции:

— Мы тоже за мирное объединение.

...И вот мы на месте процедуры. Возле автобуса, широко расставив ноги, стоят рослые парни в коротких куртках, затянутых широкими ремнями, в узких брюках и высоко зашнурованных ботинках. У каждого на боку парабеллум. На фуражках буквы «МР». Это американская военная полиция, которая несет службу на границе.

— Жандармерия! — неожиданно произносит понятное для нас слово один из северокорейцев.— Здесь проходит «корейско-американская» граница,— с горечью продолжает он, обращаясь к переводчику. — Видите: ни одного лисынмановского солдата! К Паньмыньчжону их близко не пускают. Боятся, что перебегут к нам, в республику.

Сегодня здесь многолюдно. Из Сеула приехало больше восьмидесяти журналистов, представляющих прессу чуть ли не всего Запада. Они обвешаны фотоаппаратами, магнитофонами, кинокамерами. Видно, готовятся дать своим читателям, радиослушателям и телезрителям очередную сенсацию о «зверствах красных».

Среди журналистов есть и южнокорейцы. Несмотря на прохладную погоду, сеульцы в вельветовых пиджачках или легких американских куртках. Они перебрасываются фразами с коллегами из КНДР:

— У нас растет безработица. А как у вас, на Севере? Ни одного? Нет, этому я не поверю.

...Казалось, что вопрос о передаче пассажиров, по существу, давно уже решен и заседание будет кратким. Южнокорейского представителя Красного Креста вначале устраивали и процедура и условия передачи людей. Но когда дело дошло до оформления протокола, он заявил, что не станет подписывать документ от имени своего правительства, ибо поставить такую подпись — значит «признать Корейскую Народно-Демократическую Республику».

Объявили получасовой перерыв. Лисынмановец связался по радио с американским посольством в Сеуле. Оттуда последовал приказ: подписать протокол...

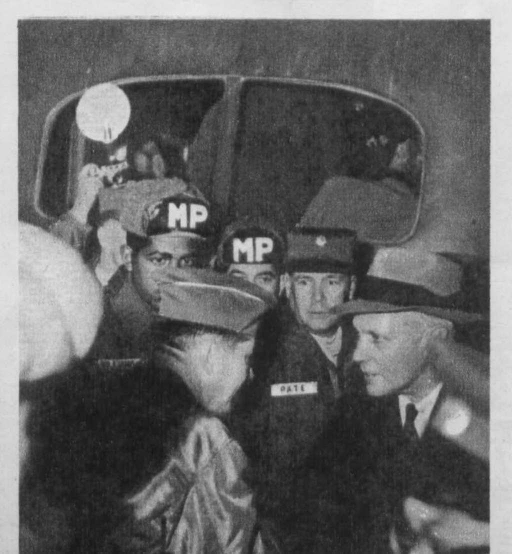
Автобус с передаваемыми южнокорейцами появился на площадке, когда стало совсем темно. По живому коридору между представителями корейско-китайской стороны в военной комиссии к американской машине проследовали двадцать шесть человек. Каждый из них в руках нес подарки из Пхеньяна. Военная полиция усмотрела в этом крамолу. Подарки отобрали и сложили в кучу.

— Улыбайтесь! Смотрите веселее! — кричали корреспонденты, стараясь добиться эффектных снимков.

Но улыбок не получилось. Возможно, отобранные подарки испортили настроение, может быть, здесь, на «американо-корейской» границе, эти люди почувствовали, что их в Сеуле могут ждать неприятности, а может, правда, которую они узнали о КНДР, делала для них Юг еще менее «лучезарным»...

← В погоне за сенсацией.

Среди пассажиров оказался турист из Бонна.

Пилоты перелетевшего американского самолета.

ОМСКИЙ РУССКИЙ НАРОДНЫЙ ХОР

Фото Е. **УМНОВА.**

Омский русский народный хор еще очень молод, но в его рядах объединились знатоки, любители, собиратели и сочинители народной песни. И, конечно, сибирским песням, старинным и современным, сибирским пляскам здесь уделяется главное внимание. В составе хора есть свои знатоки сибирских напевов, такие, как песенница-композитор Аграфена Оленичева. Ее песни исполняют не только в Омске, но и далеко за пределами края.

Исполнительское мастерство хора завоевало признание. В 1953 году Омский хор получил золотую медаль на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Бухаресте. На Всесоюзном фестивале театров, хоров и ансамблей, посвященном 40-летию Октябрьской революции, хор был удостоен диплома I степени и звания лауреата фестиваля. С успехом прошли гастроли хора в ряде зарубежных стран.

Солистка танцевальной группы хора Валентина Мартынова в сибирском танце «Прялочка».

«Огонек».

Старинный сибирский игровой танец «Воротница».

Вверху слева: сибирский игровой шуточный танец «Козел».

Солист хора Леонид Шарохин исполняет на жалейке сибирские напевы.

Молодежная. Пляшут Тамара Дьяченко, Василий Распутин, Зоя Кондратьева.

Дмитрий Сергеевич Зайцев.

РАБОЧИЙ ЧЕЛОВЕК

В. ПОЛЫНИН

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Когда вышел новый закон о пенсиях, Зайцева, старшего мастера печатного цеха «Трехгорки», спросили:

— А вы, Дмитрий Сергеевич, будете заявление подавать?

— Надоел или не угодил?

— Просто мы беспокоимся, не трудно ли вам в ваши годы...

— А вы не беспокойтесь.

— Знаете, как бывает: еще подумают, что вот, мол, пожилой человек, ему бы отдохнуть пора, заслужил отдых...

— Кто подумает?

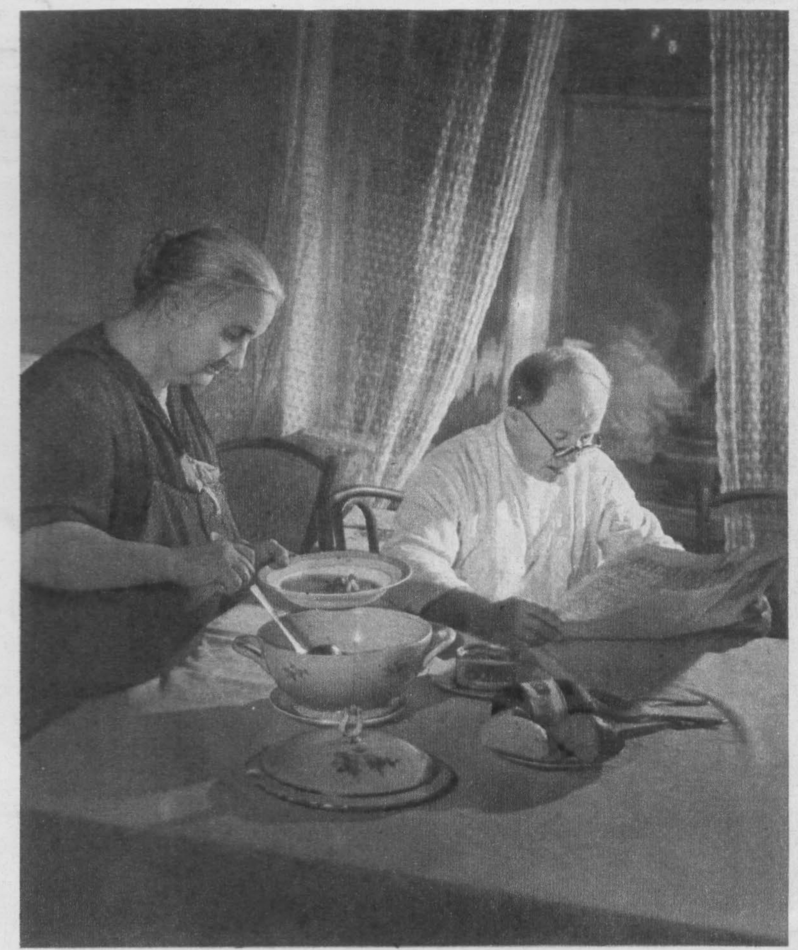
В словах Зайцева прозвучала такая нотка, что к нему с такими вопросами больше не подходили.

А действительно, кто так подумает? Пенсию Зайцев получил бы приличную. Стаж — шестьдесят два года на одном производстве, в одном цехе. И Прасковья Григорьевна, супруга, получает пенсию — без малого пятьсот рублей. Сын — главный инженер завода, дочь — химик-конструктор.

Кто знает Зайцева, у того не возникнет и тени сомнения: порвать с фабрикой было бы для него, скажем без преувеличения, трагедией.

В семьдесят пять лет молодецкого сна не бывает. Даже у Зайцева. Хорошо, если за ночь только раз или два придется встать с постели, побродить по квартире, посидеть на кухне, глядя на опустевшую улицу. В четыре сон как рукой снимает. Затемно, стараясь не разбудить Прасковью Григорьевну и Нину, внучку, Зайцев сам готовит себе завтрак, неслышно натягивает пальто, неизменную кепку и тихо защелкивает за собой замок. В шесть утра рабочие ночной смены проверяют по Зайцеву свои часы.

Лет пятьдесят назад Зайцев без особого напряжения мог перекреститься двухпудовой шестерней. Вдвоем с фабричным силачом Николаем Михайловым они брали с тележки и ставили на стеллаж двадцатидвухпудовый платочный вал. Годы взяли свое. Теперь, просыпаясь по утрам, замечает вдруг Зайцев, что одна нога будто стала тяжелее другой. Зато стóит на улицу выйти, спуститься

Здесь командует Прасковья Григорьевна.

вниз по Большому Трехгорному переулку, мимо школы, пожарной части, оставить позади проходную, как забывается ломота в ногах. В печатном цехе Зайцева ждет дело.

Заведующий отделочной фабрикой С. В. Шмелев, который работает на «Трехгорке» немного меньше Дмитрия Сергеевича, пятьдесят три года, сказал нам:

— Когда Зайцев уйдет на пенсию, сами понимаете, печатный цех не остановится. Но полноценной замены на «Трехгорке» Зайцеву сразу не найти. Хоть и нелестная для нас эта правда, но правда.

Самой сложной профессией в текстильной промышленности считается профессия печатника. Печать — это наложение рисунка на гладкую ткань, или, как говорят текстильщики, набивка. Невозможно перечислить все тонкости мастерства печатника, раклиста. Теория здесь бывает подчас беспомощна. Выручает опыт, чутье, талант. Искусство раклиста дается от природы, как музыкальный слух, поэтический дар, меткий глаз или твердая рука.

Еще при Прохоровых, бывших владельцах «Трехгорки», совсем молодым человеком, Зайцева поставили работать коллекционные рисунки на шестнадцативальную машину. Валы гравировали по особому заказу в Англии, краску пускали немецкую. Мастер Бадер, француз — русских мастеров Прохоровы почти не держали, — при всем своем пренебрежении к людям, с которыми работал, не мог не признать художественного мастерства Зайцева. «Самый маленький — самый большой», — говорил Бадер. В этом француз был прав. Зайцев был младшим в цехе, а дело ему давали самое сложное. Он печатал на миткале многоцветные репродукции картин Репина и Васнецова. Сработанные Зайцевым ситцы давали Прохоровым золотые медали и дипломы международных промышленных выставок и ярмарок.

...Старший мастер Зайцев идет по цеху своей характерной, торопливой походкой.

— Дмитрий Сергеевич, взгляните!

— Так-так...

Зайцев вертит перед собой протянутый раклистом Зерновым лоскут. Поворачивает его под различными углами к свету. Разглядывает рисунок и через очки, и непременно поверх очков, и вблизи, и издалека.

— Брак работаешь.

— Не трафит, Дмитрий Сергеевич.

— Что у тебя на выходе стоит, контур? Переставь его вперед. А шашечку на выход. Краску пожиже пусти.

И побежал дальше.

Через полчаса, обойдя, словно дозором, весь цех, складальную, сушилку, возвращается обратно:

— Что молчишь, Зернов?

— Трафит, Дмитрий Сергеевич.

Внешне будто безразличный к ответу раклиста, мастер, довольный, спешит в свою каморку. Вот и еще раз он почувствовал, что нужен Зернову. Не будь под рукой Зайцева, Зернов, возможно, полсмены провозился бы с рисунком. Так же, как и Зернову, Зайцев нужен всем, кто здесь трудится. Нужен цеху, фабрике, комбинату и, выходит, — всей стране. Именно это чувство давно стало смыслом его жизни.

...У Прохоровых приходилось работать так, что рубашка не просыхала. И все же Зайцев ухитрялся вечерами участвовать статистом в спектаклях, шедших в «Товариществе частной оперы», в театре Солодовникова и в только что открывшемся тогда Московском Художественном театре.

←
Домой он уходит позднее всех...

Выступал в «На дне», стоял на сцене почти рядом со Станиславским, Книппер. Выступал, разумеется, бесплатно, из любви к искусству. Он был на одном из первых спектаклей «Власти тьмы», а потом пешком провожал Толстого в Хамовники. В толстовском учении ему понравились призывы к нравственной чистоте.

Как реликвию, бережет Зайцев фотографию Короткова с надписью: «Дорогому товарищу...» Он хранит ее в своей орденской коробочке, носит на фабрику, показывает молодежи, которая о Короткове знает лишь по мемориальной доске во дворе комбината и по рассказам стариков. Семен Коротков, рабочий, однокашник Зайцева, был расстрелян карателями после подавления восстания на Пресне в 1905 году. Его судьба заставила Дмитрия Сергеевича глубоко задуматься над смыслом и целью жизни.

Многим обязан Зайцев Прасковье Григорьевне, жене своей.

Справедливости ради следует сказать, что Прасковья Григорьевна не только толковая хозяйка, добрая мать и заботливая бабушка — внуков уже трое. Когда она была помоложе, работала не только дома: должность главного кассира в Мосторге сочетала с общественной обязанностью члена месткома.

...Долгая и большая жизнь у Зайцева. Приехал он в Москву из села Никулина — от Москвы верст пятьдесят. Рядом с Никулиным в селе Царевом стояла первая в России отделочная фабрика. На ней и приобщились крестьяне Зайцевы к текстильному делу. Все они были либо граверами — гравировали валы для печатных машин, — либо раклистами. Подъячевы, сваты Зайцевых, тоже почти все были либо раклистами, либо граверами. Понятно, Зайцеву с тринадцати лет пришлось пойти по той же дороге.

Три года учился Зайцев в ремесленной школе Прохоровской фабрики. Стал первым раклистом. Отслужил три года во время японской войны. Два года воевал на германском фронте. В гражданскую войну возглавил трудовую армию трехгорцев: фабрика встала из-за отсутствия топлива. Вместе с ним на заготовках дров провела два года и Прасковья Григорьевна.

Сам, машину за машиной, пускал Зайцев печатный цех. В двадцать втором году ему вручили диплом Героя Труда. При Прохоровых дипломы и медали за работу Зайцева шли хозяевам.

Потом растил он кадры трехгорских печатников; работал мастером и одновременно преподавал. Все раклисты «Трехгорки» начиная с тридцатых годов — его ученики. Это несколько сот человек. Его ученики не только в Москве — по всей стране, в Китае, в Албании. По его учебникам учатся в СССР и в Китае.

Самое же важное и заметное, что сделал Зайцев, — он сам стал примером для тех, кто должен прийти ему на смену. Примером ярким и привлекательным. Отдав жизнь труду, он обрел в нем отраду, которая наделяет его силой, делает для него каждый новый день желанным, интересным.

На смену Зайцеву идет молодежь, новые люди. Пусть будут они такими в труде, как Зайцев!

Раклист Богачев советуется с Дмитрием Сергеевичем.

Дмитрий Сергеевич среди друзей.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВОРОНЕЖ

В. ВОРОНОВ

Фото А. Гостева.

В небольшой комнате отделения Союза писателей собрались воронежские литераторы. На повестке дня — прием в члены Союза. Один за другим выступали старейшие воронежские писатели: Михаил Булавин, Николай Задонский, Максим Подобедов, Виктор Петров, Михаил Сергеенко, Ольга Кретова, Борис Дальний, Георгий Воловик...

На их глазах, при их деятельном участии прошли десятилетия советской литературы; многим из них памятен довоенный журнал «Подъем», издававшийся в первой половине тридцатых годов. М. Подобедов и О. Кретова встречались с Горьким; Алексей Максимович редактировал первую повесть М. Булавина «Побег». Долгая творческая дружба связывала В. Петрова с А. Серафимовичем, который написал предисловие к роману молодого Петрова «Борьба». Владимир Кораблинов, прозаик, поэт, драматург, живо помнит встречу Маяковского с литераторами Воронежа в редакции «Молодого коммунара» в 1926 году.

В годы Великой Отечественной войны писатели Воронежа трудились не только за письменным столом. Ольга Кретова встала за штурвал комбайна, Константин Локотков поступил рабочим на завод. Многие писатели ушли на фронт.

Во время войны пришло новое поколение литераторов: Юрий Гончаров, Николай Коноплин. Они принесли с собой суровые повести о современниках, опаленных огнем сражений и выстоявших в борьбе.

Сейчас принимали в Союз еще пятерых.

Николай Алехин... Только что вышли его «Рассказы Никиты». Герой рассказов Никита так говорит собеседнику: «А ты захаживай ко мне, захаживай. Гостем будешь. Попотчую и угощением и, само собой, всякой побывальщиной, какая позанятнее или с чудинкой-смешинкой. А то еще и с подковыркой. Я больше про местное. Оно мне из-под низу и сблизи виднее и слышнее. Чуть ли не всю жизнь разъездным конюхом — хожалый-езжалый — всегда среди людей да на людях и все с разговорами». «Рассказы Никиты» по-своему, с юмором раскрывают многие стороны колхозной жизни.

Всеволод Климов... Повесть его «Фольварк Стары Двур», опубликованная в этом году в первом номере журнала «Подъем», рассказывает об освобождении Польши советскими войсками от гитлеровского ига. К московскому смотру литературы и искусства Воронежской области выходит книга В. Климова «Гул далеких орудий».

Иван Сидельников... Изданная недавно тридцатитысячным тиражом его документальная повесть «Неутраченное счастье» раскуплена за полтора месяца. Автор получил много писем со всех концов страны; состоялось уже около двадцати читательских конференций. Книга повествует о возвращении к жизни и о трудном пути в науку ослепшего на войне Степана Батраченко, ныне преподавателя Воронежского педагогического института. «Нашего полку прибыло, — сказала на собрании Ольга Кретова, энтузиаст документального очерка. — Успех книги Сидельникова не случаен, и хотя написана повесть неровно, она задела читателя за живое».

Двадцатисемилетний Юрий Третьяков — детский рассказчик; книжки его вышли в Москве и Воронеже.

Собрание единодушно рекомендует в Союз и учительницу Анну Киселеву. В Новосибирске опубликована ее повесть «За честь класса». Драма А. Киселевой «Из тьмы» напечатана в «Подъеме» в прошлом году.

Таково новое пополнение воронежской писательской организации, которая объединяет сейчас почти тридцать человек. И в жизни молодых и в судьбе старших писателей журнал «Подъем» сыграл заметную роль.

Журнал снова начал выходить в 1957 году. Воронежцы получили «толстый» литературно-художественный и общественно-политический двухмесячник. Уже выпущено семь номеров журнала.

Что же сделано за это время?

Прежде всего надо было объединить вокруг журнала литературные силы центральных черноземных областей.

— С самого начала «Подъем» замышлялся как журнал центрально-черноземной полосы Рос-

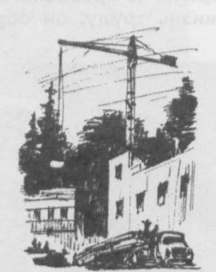
Мы строили

Р. ХАРИТОНОВ

...Здесь даже самолет не пролетал!
Мы первые пришли тропой звериной...
Казалось, промерзает пустота
И воздух можно расколоть на льдины.

Пришли и заложили первый дом.
Мы строили и знали: город будет
Не для того, чтоб просто ерелись в нем
Достатком избалованные люди.

Нет, этот город на краю земли
В наследство тем, кто знает вес минутам,
Кто поведет в пространство корабли
По самым фантастическим маршрутам.

Подарок

А. ЖИГУЛИН

Всё в росе! И куст малины
От росы к земле пригнулся.
А за рощей над долиной
Первый бойкий луч проснулся,

По сырой траве прошелся,
Нежно тронул ветви ели —
Словно маленькие солнца
В каждой капле заблестели.

Красотой неповторимой
Засиял густой осинник...
Хорошо бы для любимой
Сделать бусы из росинок!

ТЕАТР СЕЛА НИКОЛЬСКОГО

Воронежский писатель Виктор Петров несколько месяцев назад поехал со своей новой пьесой, «Кто зажигает звезды», в село Никольское, то самое село, где за два года до рождения МХАТа был создан Народный театр. Организаторами театра были доктор Соколов и его жена, Зинаида Сергеевна, родная сестра К. С. Станиславского. До переезда из Москвы Соколовы участвовали в известных «алексеевских» спектаклях, в домашнем театре К. Станиславского. Основатель МХАТа в 1897 году сам приезжал в Никольское, чтобы пригласить доктора Соколова и свою сестру в новый, тогда только создававшийся московский театр. После ознакомления с Народным театром и бесед с крестьянами-актерами Станиславский признался сестре:

— У меня не стало духа разорять это гнездо.

В последние годы, после смерти руководителя — сельской учительницы Л. Ф. Тупиковой, — театр, по существу, превратился в обычный драмкружок. Писатели-воронежцы задались благородной целью — возродить Народный театр села Никольского. Горячо помогает им молодежь села; живы некоторые старые актеры, начинавшие еще шестьдесят лет назад. Сейчас под руководством профессионального режиссера В. И. Постнова идут репетиции спектакля «Кто зажигает звезды».

В. БУЛГАРЦЕВ

Роман о Кольцове

Алексей Кольцов... Более ста лет назад впервые в русской поэзии прозвучали народные песни, и это были песни Кольцова, возникшие возле хоровода или ночью у рыбачьего костра.

Книга Владимира Кораблинова «Жизнь Кольцова» воскрешает во всех жизненных подробностях путь замечательного русского поэта, который не мог не петь бесхитростные, хватающие за душу песни. Этот большой, сильный человек принес с собой столько поэзии, напоенной степью, воздухом родных полей, что его маленькая книжка стихов вызвала горячие споры в Москве и Петербурге.

Тяжелую борьбу пришлось выдержать Кольцову, чтобы вырваться из отупляющего мещанского болота старого Воронежа. Поэт освободился от торгашеских пут, навязанных ему родной семьей, и надорвался... Поэт погиб в «безжалостной битве между ним — одним, без друзей и союзников — и целой ордой гадящих, гогочущих и свистящих воронежских обывателей». Уже после смерти поэта Белинский писал Боткину: «Страдалец был этот человек — я теперь только понял его».

В работе над романом о Кольцове писатель изучил огромное количество исторических документов, архивных материалов. Особое обаяние роману придают поэтичные описания задонских степей, быта дореволюционного Воронежа...

Роман В. Кораблинова не только яркое жизнеописание Алексея Кольцова, — это повествование о том, как в николаевской России давили, душили, калечили замечательные таланты, вышедшие из народных глубин. Путь Алексея Кольцова — лишь один из эпизодов многовековой борьбы русского народа за право свободно жить и творить на родной земле. Эта мысль проходит через весь роман, определяет его пафос.

В. ГАЛИН

сии,— говорит главный редактор Максим Подобедов. — Для установления творческих связей Михаил Булавин поехал в Курск, Федор Волохов — в Орел, Георгий Антюхин — в Тамбов.

В журнале появились стихи, поэмы, рассказы, присланные из Липецка, Курска, Мичуринска, Тамбова, Борисоглебска. «Подъем» уже в первый год стал органом, объединяющим литераторов многих областей.

Обозревая прошедший литературный год, убеждаешься, что журнал дал читателю значительные в идейно-художественном отношении произведения прозы.

Повесть «Акимка из Плахинских дворииков» — вторая часть трилогии Виктора Петрова — получила высокую оценку литературной общественности. В центре повести деревенский мальчик Акимка, у которого постепенно открываются глаза на мир, на идиотизм дореволюционной сельской жизни.

Николай Задонский опубликовал историческую хронику «Последние годы Дениса Давыдова», отмеченную журналом «Коммунист» как одно из лучших произведений советского исторического жанра литературы за последние годы.

В первом номере за этот год опытный воронежский писатель Алексей Шубин начал печатать повесть о рабочей семье «Жили по соседству».

Из поэтических произведений «Подъем» поместил поэму Владимира Кораблинова «За Советскую власть» — об установлении народного строя на воронежской земле.

Менее удачным оказался роман орловского писателя Евгения Горбова «Дом под тополями». Повествуя о героизме советских людей во время Великой Отечественной войны, автор изображает судьбу Лидочки, которая сначала на всех перекрестках обличает «мещанские условности» жизни, а затем неожиданно для себя и для читателя приходит к мысли, что надо «хватать жизнь обеими руками», «жизнь с ее мелкими радостями и страстишками, с ее путаницей и суетой». В самом конце романа автор спохватывается, что ничего не объяснено, обвиняет во всем родителей и «стечение обстоятельств» и загадочно обещает, что у Лидочки «хватит моральных сил, чтобы начать новую, другую жизнь». У Е. Горбова, бесспорно, есть живое чувство слова; тем более досадно, что роман напечатан недоработанным.

Редакция снисходительно отнеслась и к ряду рассказов, опубликованных в журнале: А. Вольфсона из Липецка, Н. Горбунова из Мичуринска, М. Сабина из Касторной... Понятно желание редакции привлекать авторов с периферии (есть такая периферия по отношению к Воронежу), но поступаться при этом интересами журнала и читателя — слишком дорогая плата.

Своеобразие «Подъема» определяет раздел «Народное творчество». Здесь печатаются песни, сказы, частушки, пословицы, поговорки. Воронежских литераторов всегда интересовало народное творчество. Еще до войны в Воронеже изданы «Сказки А. Н. Корольковой», «Песни и сказки Воронежской области». Сейчас в Москве вышли «Сказки бабушки Куприянихи», записанные Михаилом Сергеенко.

— С первых же номеров мы завели раздел народного творчества,— говорит редактор «Подъема».— Читателям он понравился. По существу, только в «Подъеме» публикуются произведения фольклора. Кроме публикаций, мы хотим напечатать серию теоретических статей по фольклору — П. Богатырева, В. Тонкова, С. Лазутина. В ближайших номерах в разделе «Из литературного прошлого» появятся народные песни, собранные Алексеем Кольцовым.

В нынешнем году в журнале будет опубликован роман Гавриила Троепольского «На родном черноземе».

Без преувеличения можно сказать, что литературная жизнь Воронежа на подъеме. Старейшие писатели именно в последние годы создали свои лучшие произведения. Молодые литераторы тоже не отстают: их романы, повести, стихи увлекательно рассказывают о советской нови.

У старших за плечами жизненный опыт, долгие годы литературной школы. У младших — свежесть жизненных наблюдений.

Идет дружеское творческое соревнование литературных поколений. Читатели получат еще немало талантливых книг.

Михаил Булавин.

Георгий Воловик.

Федор Волохов.

Юрий Гончаров.

Владимир Гордейчев.

Борис Дальний.

Николай Задонский.

Николай Коноплин.

Желание

Вл. ГОРДЕЙЧЕВ

Мой отец печником не был.
Но над домом нашим, груба,
Гонит дым в продрогшее небо
Сложенная им труба.

До сих пор стоят по отвесу
Все четыре угла печи.
На растворе крутого замеса
Держатся кирпичи.

Пламя густо ревет за дверцей,
Бьется в камень, белым-бело,
И волной подступает к сердцу
Обжигающее тепло.

Мой отец печником не был,
Но с работой умел дружить.
Я сноровкой в отца. И мне бы
Песню трепетную сложить,

Чтоб высоким огнем горела,
Отдавая запас тепла,
Чтобы в стужу озябших грела,
После смерти моей жила.

Владимир Кораблинов.

Ольга Кретова.

Константин Локотков.

Виктор Петров.

С доброй улыбкой

Две повести А. Шубина, составившие его новую книгу, выпущенную Воронежским издательством, посвящены различным событиям. Первая из них, «Доктор Великанов размышляет и действует», написана на материале Великой Отечественной войны. А молодые, жизнерадостные герои повести «Большая Лукавка» заняты исследованием водной трассы где-то в глубине Черноземья.

И все же не только имя автора позволило объединить в одной книге эти произведения, хронологически отстоящие друг от друга на восемь лет. «Доктору Великанову» и «Большой Лукавке» присуще много таких черт, которые дают основание говорить об их стилистическом единстве.

Герои А. Шубина — хорошие, честные люди. Чувство долга для них превыше всего. Но всякое преувеличение даже самого хорошего зачастую выглядит смешным. На этом и строит А. Шубин различные комические ситуации. И юмор А. Шубина добродушный, беззлобный.

Да и могут ли вызвать к себе другое отношение главные герои книги—доктор Великанов и его ближайшая помощница Ульяна Ивановна, мужественные и бесконечно добрые люди, которые борются с врагом в самых трудных обстоятельствах?

В еще большей мере особенности творческой манеры писателя проявились в повести «Большая Лукавка». Романтика молодости, шутливая улыбка хорошо ощутимы в этой повести А. Шубина. Вот, например, один из персонажей повести, молодой гидробиолог Константин Стригачев. Даже речь его напоминает научные формулировки. Но Стригачев молод, умен и, очевидно, сознает невозможность оценивать все жизненные явления посредством научных формулировок. Поэтому он иронизирует и над своими формулировками и над самим собой.

З. АНЧИПОЛОВСКИЙ

Максим Подобедов.

Михаил Сергеенко.

Гавриил Троепольский.

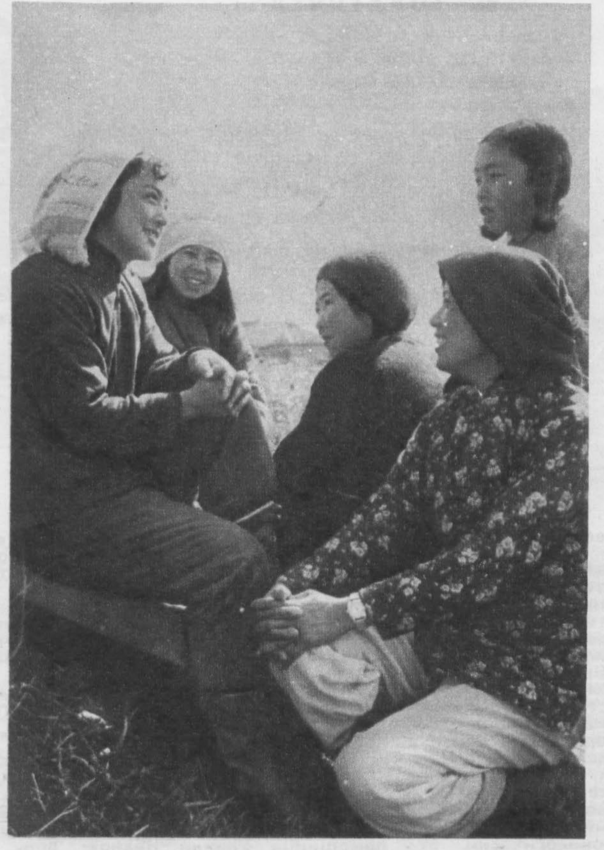
Алексей Шубин.

Кадровые работники Народного комитета города Чанша (провинция Хунань) пишут коллективное заявление о желании участвовать в сельскохозяйственном производстве.

Секретарь Комитета КПК провинции Цзянси товарищ Фан Чжи-чунь в свое время был командиром дивизии Китайской красной армии, а потом в течение четырех лет руководил партизанским движением одного из районов в горах Дамаошань. Ныне товарищ Фан Чжи-чунь возглавляет кадровых работников, прибывших в горы Дамаошань, чтобы вместе с местными жителями осваивать этот район. Здесь Фан Чжи-чуня встретили старые знакомые и боевые друзья.

Во время отдыха крестьянские девушки слушают песни шанхайской киноактрисы Ван Дань-фэн, которая трудится сейчас в сельскохозяйственном кооперативе «Синьцяо».

干部

Четыре иероглифа, которые стоят в заголовке нашего очерка, означают один из самых популярных сейчас в Китае призывов: «Кадровые работники — в деревню!» Третий расширенный пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Китая восьмого созыва призвал кадровых работников, которые не прошли трудовую закалку или не имеют опыта работы в низовых организациях, пойти на производство: в деревни и села, на заводы и фабрики или на иную практическую работу.

Горячо откликнувшись на этот призыв, сотни тысяч партийных работников, писателей, журналистов, деятелей науки и искусства, студентов выражают желание отправиться на

Посланцы Чангэского укома КПК обрабатывают поле в сельскохозяйственном производственном кооперативе «Единство».

До чего же вкусен обед после трудового дня! Снимок сделан в сельскохозяйственном кооперативе Ливань, горного района Муфу. Третья справа — заместитель председателя Народного комитета уезда Пинцзян (провинция Хунань) Чу Жуй-жу.

Доцент Китайского народного университета У Цан-пин (первый слева) в перерыве учит грамоте членов кооператива «Сишань», расположенного в окрестностях Пекина.

трудовой фронт в деревню или горные районы. Участие в физическом труде руководящих кадров, в том числе партийных, государственных, профсоюзных и комсомольских работников, стало патриотическим движением, охватившим всю страну. Перенимая у крестьян трудовые навыки, горожане в то же время охотно делятся своими знаниями с тружениками полей и вместе с ними борются за подъем сельского хозяйства, за освоение горных и целинных районов.

«Пусть высокие горы склонят головы, а реки уступят дорогу новому человеку»,— так говорят посланцы города, охваченные пафосом созидательного труда на благо родины.

Ю. НОВГОРОДСКИЙ

«Придется серьезно подучиться у крестьян»,— решает кадровый работник Ши Хунь-янь. Он потратил много усилий, чтобы выкопать сладкий картофель, но член кооператива, смеясь, показывает ему «результат» его труда и замечает, что он испортил батат.

Рисунки В. Васнецова

К 110-летию со дня рождения

Когда упоминают имя Виктора Михайловича Васнецова, в воображении сразу возникает увлекательный мир русских народных сказок и героев былинного эпоса. Восхищаясь прекрасными полотнами художника, завершенностью его композиций, мы редко помним об огромном труде, предшествовавшем их созданию.

Автор могучих «Богатырей», пленительной «Аленушки», «Ивана царевича на Сером Волке» прожил жизнь неутомимого труженика. По сохранившимся эскизам, подготовительным этюдам можно проследить шаг за шагом историю замысла и создания таких произведений на сказочные и эпические сюжеты, как «Витязь на распутье», «Баян», «Сказка о спящей царевне», познакомиться с книжной графикой и зарисовками сцен из народной жизни.

Больше четырехсот рисунков Васнецова собрано Центральным Государственным архивом литературы и искусства СССР.

На этой странице публикуется несколько рисунков В. М. Васнецова. Один из набросков к картине «Витязь на распутье» выполнен в семидесятых годах. Более десяти лет отделяет рисунок от завершенного полотна. Но и здесь уже присутствуют многие элементы будущей картины. Рассматривая этот начальный эскиз, видишь следы поисков композиций, пропорциональных соотношений.

Две другие зарисовки, «Старик в николаевской шинели» и «Старуха в салопе», также относятся к семидесятым годам. Предполагают, что они легли в основу жанровой картины «С квартиры на квартиру». Это произведение о судьбах петербургской бедноты с заслуженным успехом экспонировалось на Пятой выставке передвижников в 1876 году. «Прекрасная картинка! — так оценил ее появление В. В. Стасов.— И написана она прекрасно».

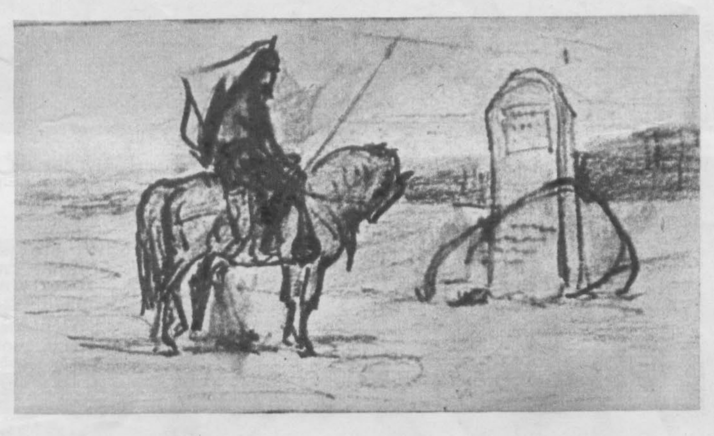
Васнецов много работал как книжный иллюстратор. Перед нами рисунок из задуманной, но незавершенной работы. На небольшом листе бумаги художник изобразил трех действующих лиц романа Л. Н. Толстого «Война и мир» — Пьера Безухова, Дениса Давыдова и старого князя Болконского. Внимание Васнецова особенно привлекла внешность Пьера, и он трижды рисует его в различных ракурсах, как бы проверяя себя по строкам Толстого, — «массивный, толстый, молодой человек с стриженою головой, в очках».

Этюд с натуры к известной картине «Баян» относится к 900-м годам. В образе древнерусского воина, внимающего вещим словам певца, художник изобразил своего сына Владимира Викторовича. Это одна из первых зарисовок к картине, которая в завершенном виде покорила Илью Ефимовича Репина. Он писал Васнецову: «...я с великим наслаждением провел время перед твоей картиной «Баян». Какая глубина в лицах! Какая психология! Воскресшая жизнь седой старины!»

Н. ЧЕРНИКОВ

Уличные музыканты. Рисунок 1870 года.

Витязь на распутье. Эскиз, вариант. 70-е годы.

Эскизы к иллюстрациям романа Л. Н. Толстого «Война и мир». 70-е годы.

Подготовительный этюд к картине «Баян». 900-е годы.

Старик в николаевской шинели. 70-е годы.

Старуха в салопе. 70-е годы.

На 1-й странице вкладки: В. М. Васнецов «АЛЕНУШКА». 1881. На 2—3-й страницах: «БОГАТЫРИ». 1898. Третьяковская галерея.

«Огонек».

В. М. Васнецов. ВИТЯЗЬ НА РАСПУТЬЕ. 1882. Русский музей.

О самых сильных

История самых сильных — это захватывающая летопись подвигов и побед. Народ всегда будет помнить «чемпиона чемпионов» Ивана Максимовича Поддубного; феноменального атлета, одного из первых авиаторов Ивана Заикина; «русского колосса» Ивана Шемякина. Но не только три великих Ивана (как их называли за рубежом) прославляли Россию в международных спортивных поединках. Разноплеменная Россия выдвинула на мировую арену многих всемирно известных борцов и тяжелоатлетов-гиревиков.

Уже более полувека назад Сергей Елисеев в Миланском зале маркиза Монтичелли нанес поражение многим тяжеловесам-силачам. Он толкнул штангу весом в 9 пудов!

В период 1925—1935 годов весь мир говорил о профессиональном атлете французе Шарле Ригуло. Его достижения около двадцати лет не могли побить атлеты-любители. Ригуло выступал в цирке, варьете, казино. Он пел жанровые песенки, а на его ладони танцевала балерина.

После Ригуло сильнейшим оказался египтянин. Быстрый и темпераментный Носсеир был обладателем мирового рекорда в толчке—167,5 килограмма. Я поставил своей целью побить этот в ту пору очень высокий рекорд.

Каждый вечер в процессе тренировки я поднимал не менее 10 тонн. Помножьте 10 тонн на триста с лишним тренировок, и вы поймете, каких усилий требовала эта заочная дуэль с Носсеиром. Что и говорить, мне пришлось поработать, чтобы в конце концов победить египтянина!

Берлинская олимпиада 1936 года принесла звание абсолютного чемпиона немцу Йозефу Мангеру с рекордной суммой троеборья 412 килограммов. Это был массивный, приземистый атлет. Он словно врастал своими кривыми ногами в помост, выжимая штангу.

Единственный атлет, который мог соперничать с Мангером, был богатырски сложенный чех Пшеничка. Но и Мангер был недолговечным чемпионом. Богатырь из Армении Серго Амбарцумян «снял» рекорды немца, подняв в сумме 433 килограмма.

Успешно выступали также наши соотечественники Ян Спарре, К. Назаров, П. Петров, П. Кустодов, В. Колмахаридзе, А. Степанов, Н. Лапутин. С особой остротой они «скрещивали оружие» на матчах тяжеловесов — этих своеобразных смотрах достижений сильнейших атлетов страны. Мастерство и результаты советских тяжеловесов стремительно росли, но никто из них не поднимался на пьедестал почета чемпиона мира.

Чемпион мира Алексей Медведев.

РУССКИЙ СИЛАЧ

Яков КУЦЕНКО,

заслуженный мастер спорта

Фото автора.

На вершине

Стены салона шахиншаха Мохаммеда Реза Пехлеви сотряслись от урагана аплодисментов. Иранцы, фанатические почитатели силы, приветствовали победителя — русского богатыря Алексея Медведева. Усталый, медленно поднялся он на высшую точку пьедестала почета, пожал руки своим соперникам Сальветти и Пигаини. Большой и всегда спокойный, Алексей сейчас часто дышал, заметно волнуясь, и смущенно глядел на зрителей. Нескончаемые приветствия неслись со всех сторон, а он, дожидаясь вручения медали, переминался с ноги на ногу, не зная, куда себя деть.

Президент Международной федерации тяжелой атлетики Бруно Нюберг, вручая золотую медаль, долго жал руку Алексею Медведеву. И Алексей впервые за весь вечер улыбнулся. В его легкой улыбке, в ясном взгляде серых глаз светилась огромная, переполнившая сердце радость.

Каждый из нашей команды — В. Стогов, Е. Минаев, В. Бушуев, Ф. Богдановский, Т. Ломакин, А. Воробьев превзошли противников и самих себя, сделали все для победы команды, подняли на более высокий уровень всю мировую тяжелую атлетику. Их победы — гордость нашего спорта. Но самым радостным событием была наша долгожданная победа в тяжелом весе. Ведь долгие годы здесь безраздельно господствовали атлеты Америки. Но вот на помост вышел Алексей Медведев, и звание самого сильного обрело советское гражданство...

В недавнем прошлом...

После войны советские штангисты впервые вышли на международную арену. Пришлось и мне встретиться с сильнейшими тяжеловесами мира, в частности с «черным Аполлоном» — негром Девисом. На чемпионате мира 1946 года в Париже я занял второе место вслед за Девисом.

В 1952 году я в последний раз выиграл звание чемпиона страны, после чего перестал выступать (сказывался критический возраст). Рекорды и победы недолговечны, что поделаешь!

На XV Олимпийских играх в нашей команде уже не было атлета тяжелого веса. Олимпийским чемпионом стал Джон Девис с суммой 460 килограммов. В дальнейшем началось еще более интенсивное наступление американских тяжеловесов на рекорды. Догонять их было невозможно. Для наших тяжеловесов началась полоса будничного, терпеливого труда. Медленно, но верно приходила зрелость. Поэтому, начиная с XV Олимпийских игр и вплоть до Мельбурна, все «баталии» на помосте наша команда проводила без тяжеловеса (не имело смысла терять драгоценные очки в командной борьбе, не имея никаких шансов на победу).

Чемпионат 1953 года в Стокгольме был закатом для Девиса.

После стокгольмского чемпионата в Мюнхене появился Пауль Андерсон — двадцатилетний юноша из штата Джорджия (США). Его результат — более 500 килограммов — поразил всех.

Пятнадцать тысяч москвичей, невзирая на дождь, смотрели в «Зеленом театре» встречу команд СССР и США. Гигант Пауль Андерсон далеко оставил тогда позади нашего тяжеловеса Алексея Медведева. Разница в результатах достигла 60 килограммов. Медведев смотрел на Андерсона с нескрываемым любопытством, тщательно обдумывая свои шансы в дальнейшей борьбе. Десятки раз он задавал себе один и тот же вопрос: сможет ли он когда-либо достичь таких феноменальных результатов, хватит ли сил и воли?.. Стало ясно, что пора «изящных» тяжеловесов проходит. Для наступления на рекорды нужна большая сила, соединенная со скоростью, точностью движений и железной волей.

Тяжелый подъем

В спортивной карьере рекордсменов много сенсаций. Считают, что природа сделала их сильными еще в юности, до тренировок. Андерсон тренировался в саду. Когда штанги казались ему легкими, он делал упражнения с сейфами, наполненными цементом. Когда ему захотелось подшутить над своим другом, собравшимся ехать на автомобиле, он легко приподнял машину, не давая ей сдвинуться с места. Утверждают, что Сальветти легко поднимал и носил на ферме упитанных быков, а канадец Хеппбурн при первом посещении спортзала «забраковал» все гири и штанги: они были слишком для него легки, а грифы гнулись от тяжестей, которые он поднимал.

О Медведеве таких историй не рассказывали. Он начал с обычных тренировок в 1947 году в московском зале «Крылья Советов».

Через три года мы обнаружили у него особую, присущую только ему манеру в технике подъема штанги. В 1953 году Медведев впервые стал чемпионом страны, но его результаты были далеки от достижений Шеманского, Сальветти, Андерсона.

Тяжелоатлеты—это люди «взрыва». В считанные секунды должен быть поднят огромный вес, а для этого сила должна дополняться совершенной техникой, согласованными усилиями всего тела, тонким мышечным чувством. Малейшая неточность влечет за собою срыв. Лишь постигший эти качества способен преодолеть коварное земное притяжение неподатливой штанги, рекордного веса.

Не сомневаясь в победе Андерсона на Мельбурнской олимпиаде, мы проектировали для Медведева твердое второе место. Но в Мельбурне все сложилось иначе.

«Подъемный кран» — Андерсон — безмятежно отдыхал на травке олимпийской деревни и

щедро раздавал автографы. Медведев спокойно тренировался в ожидании знаменательного дня. Вдруг в деревне показалась мощная фигура аргентинского гиганта Умберто Сальветти, приковавшая всеобщее внимание. Двумя днями позже мы были свидетелями удивительных тренировочных достижений аргентинца. У Андерсона появился опасный соперник. Что же касается Медведева, то стало совершенно ясно, что он может теперь претендовать на третье место. Это подтвердилось в турнире: Андерсон и Сальветти показали результат по 500 килограммов.

Медведев оказался в роли зрителя. Его настроение лишь немного улучшилось на вечере рекордов, где Алексей показал отличный итог — 487,5 килограмма. Сальветти, поздравляя Медведева, назвал его «очень опасным парнем», а англичанин Стейт открыто заявил, что москвичу в ближайшее время будет под силу пошатнуть трон американских тяжеловесов.

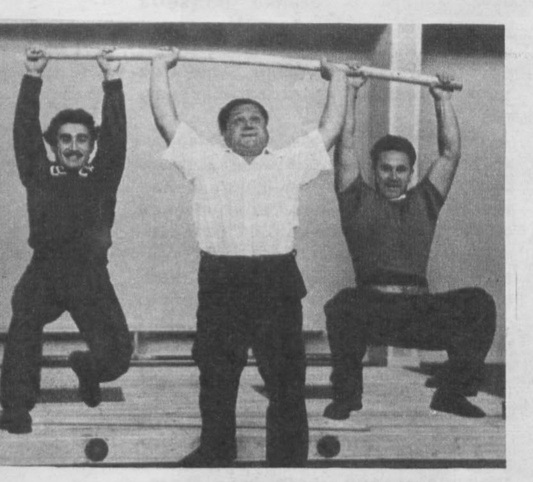
Памятный вечер

В спортивном зале Тегеранского университета было очень многолюдно. Ежедневно здесь собиралось до трех тысяч шумных, темпераментных зрителей. Тренировка больше, чем когда-либо, была похожа на соревнования.

Бывало так, что Медведев и Сальветти тренировались вместе. Обмениваясь языком жестов, они внимательно наблюдали друг за другом. Мучило любопытство, желание разгадать сюрпризы соперника. Наверное, с не меньшим интересом ждут этой разгадки и зрители. Но карты не открываются. Аргентинец ведет себя сдержанно, забавляясь «детской» тяжестью, сохраняя «инкогнито» спортивной формы. Но все это до поры, до времени. Стоило Медведеву толкнуть предусмотренный по плану тренировки вес, как спокойствие аргентинца нарушилось. Всем стало ясно, что предстоит тяжелая и напряженная борьба.

И вот заключительный момент соревнований. Трудно себе представить, как беспокойно и томительно ожидание выхода на помост, особенно когда соревнования длятся пять дней, как это было в Тегеране. Чего только не наслышишься в эти дни, чего не передумаешь!

Победы товарищей воодушевляли Медведева и вместе с тем увеличивали его ответственность.

Евгений Новиков тренируется с «живым» весом: слева трехкратный чемпион мира Р. Чемишкьян, справа — олимпийский чемпион Ф. Богдановский.

Накануне соревнований гуляли допоздна. Нужно было немного устать, нагуляться, чтобы сон был крепче. Расставаясь, Алексей сказал:

— Самочувствие хорошее. Скорее бы завтрашний вечер...

...Медведев начинает делать разминку. Он, как всегда, внешне спокоен и сосредоточен. И лишь гром аплодисментов и гул падающей на помост штанги, доносящиеся из зрительного зала, заставляют сильнее биться сердце.

Первый выход на помост всегда несколько тревожит. Нужно преодолеть ощущение неловкости перед зрителями и тревогу за успех и точность первого подъема. Вот почему Алексей не торопится. Он медленно выходит, натирает магнезией ладони, деловито поправляет штангу, принимает стартовое положение. Дальше следуют слаженные усилия, и штанга весом 160 и 165 килограммов превосходно выжата. Зрители бурно приветствуют Медведева. Сальветти в этом виде троеборья добивается большего успеха — 175 килограммов. В другом виде — в рывке — Сальветти фиксирует 140. В великолепном стиле Медведев показывает 147,5 килограмма. После двух движений преимущество пока сохраняет аргентинец.

Наступил завершающий этап борьбы — толчок двумя руками. Сальветти показывает 170 килограммов, а Медведев — 180! Попытка аргентинца взять этот вес терпит неудачу; советский же спортсмен во втором подходе с удивительной четкостью фиксирует 185 килограммов.

Сальветти идет на риск. Он просит поставить 187,5 килограмма. На красивом лице аргентинца появились багровые пятна. Он долго поправляет ремень, устремив свой гипнотизирующий взгляд на штангу. Но попытка безуспешна — атлет беспомощно падает на пол, и штанга медленно катится на край помоста.

Ну, а как же Медведев? Из зала раздаются подбадривающие возгласы, но он их не слышит. Победа уже обеспечена. Одна лишь мысль: если он поднимет в третьем подходе 187,5 килограмма, это в сумме будет 500 килограммов.

В зале тишина. Алексей Медведев очень медленно подходит к штанге, долго стоит над ней. Наконец наклоняется, обхватывает гриф сильными руками. Предельное напряжение — и штанга над головой. Пятьсот килограммов взяты! Преодолены трудности долгих лет.

В тяжелой атлетике, как и в любом другом виде спорта, трудно предугадать грядущие события. Кто из тяжеловесов будет первым в следующих состязаниях на первенство мира, кому будет принадлежать очередной рекорд, заранее не скажешь. Но сегодня самым сильным человеком в мире является советский спортсмен. А рядом с Алексеем Медведевым стоят два других русских богатыря — Евгений Новиков и Юрий Власов. Для всех троих поднять вес больше 500 килограммов — дело совершенно реальное. В добрый путь!

Когда эта статья была уже написана, в городе Сталино Алексей Медведев в троеборье показал 505 килограммов.

Отличный результат!

Скоро станки останутся одни. Идет последняя наладка автоматической линии.

ДЕВЯТЬ СЕРЫХ БАШЕН

А. ДОРОХОВ

Фото С. Фридлянда.

...Большой цех большого завода грохочет. Длинные порядки монотонно гудящих станков. Над станками склонились фигуры рабочих. Устанавливают детали, меняют резцы и фрезы, включают и выключают моторы.

И вдруг какой-то необычный участок. Девять серых металлических башен выстроились одна за другой, возле них пусто. Лишь у ограды юноша в синей спецовке прислонился к поручню и погрузился в изучение сложного чертежа.

Ремонт? Обеденный перерыв? Ни то, ни другое. Слышен тихий гул работающих механизмов, что-то движется.

Может быть, мощные станки работают вхолостую? Может быть, уходя, их просто забыли выключить? Нет. Раздался приглушенный визг прорезаемой стали, зашуршала падающая стружка... И все смолкло... Одновременно опустились девять железных «рук», что-то подняли, передвинули, опустились снова. На штырях приемного бункера быстро растут колонки блестящих новеньких шестеренок. Еще шестеренка... еще... еще...

Станки работают одни...

Мы возле только что установленной на московском станкостроительном заводе «Красный пролетарий» имени Ефремова первой автоматической линии для обработки шестерен. Линия из девяти высокопроиз-

водительных станков будет выпускать одновенцовые шестерни десяти различных размеров.

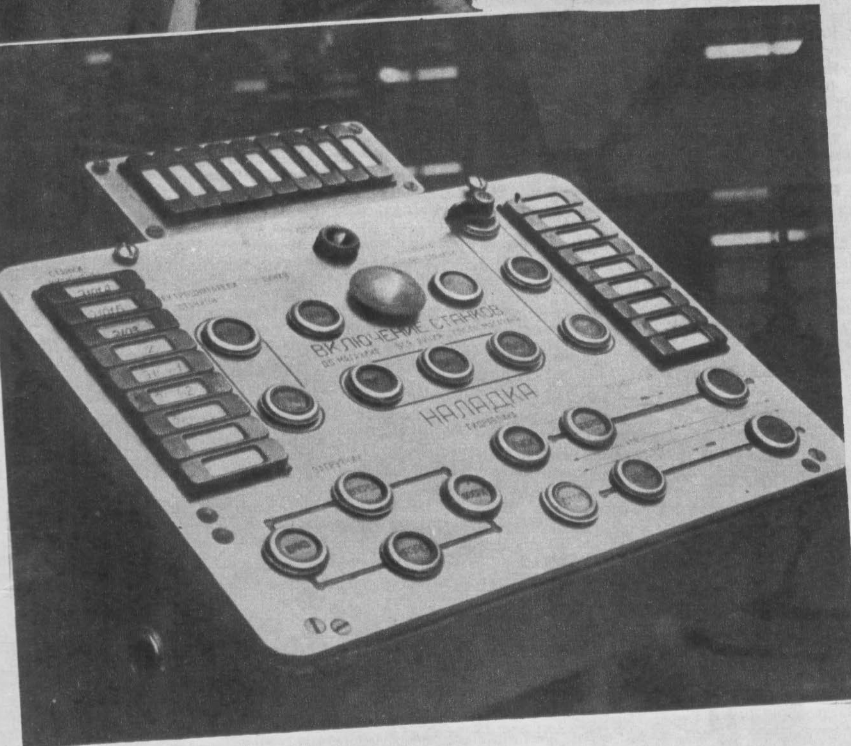
Если нельзя представить двигатель внутреннего сгорания без поршней, то трудно вообразить станок, в механизме которого не было бы разнообразных шестеренок.

Обеспечить завод шестеренками — эту ответственную и трудоемкую задачу и призвана выполнять новая автоматическая линия.

Мы видим последнюю обкатку станков перед вводом линии в эксплуатацию.

Из термического цеха к линии подбежал юркий электрокар с круглыми бубликами стальных штамповок. Штамповки нанизаны на длинные штыри. Рабочие сняли платформу с поковками и поставили ее в загрузочный бункер.

На этом вмешательство человека закончено. Все остальное станки будут делать сами.

Пульт управления автоматической линии.

Всякий раз, когда наблюдаешь за их работой, остается впечатление, что ты на мгновение заглянул в завтрашний день. Именно так, по-видимому, и будет на заводах недалекого будущего.

...Железная «рука» подхватывает деталь и ставит на продольный транспортер, соединяющий станки. Тот немедленно приходит в движение и подает деталь к рабочей зоне первого станка — токарного. Другая «рука» задвигает деталь в станок. С тихим свистом впиваются в шершавую поверхность чашечные резцы.

Проходит пятьдесят секунд. Операция закончена. Станок останавливается, и та же железная «рука» подхватывает деталь, одна сторона которой приобрела уже точные очертания будущей шестерни, и возвращает ее на транспортер. Тот трогается вновь и подвозит деталь к соседнему станку.

Снова слышится гудение и визг. Резцы снимают стальную стружку с другой стороны детали. Проходит еще пятьдесят секунд, и выполнивший свою задачу станок передает обработанную деталь соседу справа, а сам получает следующую деталь от соседа слева.

И так от станка к станку, пока на штырь приемного бункера не сядет блестящая и теплая готовая шестерня.

Станки работают одни. Больше того, приступая к операции, они громким звуковым сигналом приглашают посторонних покинуть участок. Они настолько самостоятельны, что не потерпят вашего вмешательства, если вы захотите им неумело помочь. Стоит лишь вашей руке оказаться в опасной близости к острым резцам или фрезам, как тотчас сработает фотоэлемент, и линия мгновенно остановится.

Серые башни признают лишь своего начальника — того самого юношу в синей спецовке, который изучил тайны их сложных механизмов и может заставить делать их именно такие шестерни, какие сейчас нужны производству. Ему, на пульт управления, они непрерывно «докладывают» световыми сигналами, как идет дело: закончил операцию второй станок... пятый... третий... почему-то остановился шестой... надо помочь...

Новую автоматическую линию, первую в нашей промышленности и не имеющую еще двойников за рубежом, создал по просьбе завода «Красный пролетарий» ЭНИМС — Экспериментальный научно-исследовательский институт металлорежущих станков. В этой большой и сложной работе завод представлял заместитель главного технолога А. О. Болотин, а большой коллектив проектировщиков возглавляли инженеры А. Л. Купцов и Я. А. Колодный.

Завод «Станкоконструкция» изготовил для линии специальные высокопроизводительные станки, в которых применены наиболее прогрессивные методы обработки металла. При значительно уменьшенных габаритах станков их производительность поднята вдвое и втрое против обычной.

Линию будут обслуживать всего три наладчика. Их обязанность — следить за работой станков и проводить быстросменную наладку линии на нужный тип выпускаемых шестерен.

Обкаткой, пуском и освоением новой автоматической линии руководит старший инженер Виктор Алексеевич Романов. Не так-то просто наладить бесперебойную работу этих девяти «роботов», в недрах которых извивается пятнадцатикилометровый лабиринт проводов и скрыты пятьдесят электрических моторов и триста различных реле.

А сейчас досадная заминка. При окончательном монтаже линии выяснилось, что спроектированные первоначально два фрезерных станка при всем старании не успевают за токарными. Пришлось добавить третий, что повлекло за собой перестройку всей системы транспортеров.

— Но это пустяки,— улыбается Виктор Алексеевич, стирая с пальцев вязкое машинное масло.— Еще день, другой — и все будет в порядке. Главное — «Красный пролетарий» делает новый шаг вперед.

И это действительно так. Еще недавно шестерни изготовлялись на универсальных станках. Сколько сил и времени уходило на каждую! Иные станки приходилось переналаживать по четыре раза в день. Потом культура производства поднялась. Время на наладку сократилось, появилась возможность перейти к многостаночному обслуживанию. И вот новое продвижение вперед: первая автоматическая линия.

Что же она даст заводу? Прежде всего выигрыш времени. Обработка шестерен пойдет на более высоких режимах резания. Каждые восемьдесят секунд с линии будет сходить готовая шестерня.

Вспомогательное время сократится до минимума: загрузка и разгрузка станка займут двенадцать — четырнадцать секунд, смена резцов будет производиться за сорок — пятьдесят секунд. Даже переналадка всей линии на другой тип шестерен отнимет не больше четырех — четырех с половиной часов.

Линия обеспечит высокое качество изделий. Она выпускает шестерни второго класса точности, допускающего биение зубьев в пределах лишь шести — восьми сотых миллиметра. Линия позволит значительно повысить производительность труда. Выпуск на одного производственного рабочего возрастет в три раза.

И, наконец, самое важное. Труд человека будет поднят на новую, высшую ступень. Это уже не использование простой физической силы рабочего, подымающего, устанавливающего и снимающего деталь со станка, а применение его знаний, внимания, способности к анализу, умения управлять сложным, точным и быстрым механизмом.

Наладчика на автоматической линии не назовешь человеком физического труда. Руки нужны ему лишь в той мере, в какой они нужны хирургу или пианисту.

Включить или выключить линию может и ребенок. Трудно ли нажать кнопку под нужной надписью? Но как поступить, если какой-либо из станков остановится или начнет давать брак? Ведь именно наладчик должен самостоятельно найти причину остановки, устранить ее, вновь «настроить» механизм станка или управляющего прибора. И сделать это быстро: производство не ждет.

Для того, чтобы уверенно разбираться в устройстве станков автоматической линии, необходима высокая техническая подготовка, широкие знания не только в области механики, но и гидравлики, пневматики, электроники. И если каждая новая автоматическая линия на наших заводах в какой-то мере является прообразом автоматических заводов коммунистического общества, то и работа на такой линии — тоже новый шаг на том пути, где стирается грань между трудом физическим и трудом умственным.

Налаживая свою первую автоматическую линию, инженеры и рабочие «Красного пролетария» уже готовят и вторую — для выпуска двухвенцовых шестерен. В перспективе третья и четвертая — для обработки валов и станин.

Вводя в действие все новые и новые автоматические линии, советская промышленность выполняет важнейшую директиву XX съезда КПСС: «Внедрить в промышленность в широких масштабах автоматизацию производственных процессов».

Автоматические линии работают уже в самых различных областях: и на машиностроительных заводах, и на фабриках легкой, пищевой промышленности. Годами дают энергию окружающим городам и поселкам закрытые на замок электростанции в горах Кавказа и в песках Средней Азии. А впереди раскрываются новые возможности. Девять серых башен автоматической линии «Красного пролетария» — очередной шаг к их использованию.

С. И. Гусев, М. В. Фрунзе и Д. М. Карбышев среди красноармейцев на трофейном танке «Сфинкс». Снимок сделан осенью 1920 года. (Из фондов Каховского исторического музея.)

ИСТОРИЯ «СФИНКСА»

Недавно, знакомясь с материалами по истории латышских стрелков, я столкнулся с описанием такого боевого эпизода.

«В ночь с 4 на 5 сентября 1920 года на знаменитом Каховском плацдарме врангелевцы штурмовали наши позиции на стыке флангов Латышской стрелковой и 15-й пехотной дивизий. Атаку вели три тяжелых танка и два броневика, за которыми шли отборные офицерские части.

В бой с танками вступили красные артиллеристы-латыши. Один подбитый танк белые поспешно отбуксировали в свой тыл. Затем был подбит и второй, носивший несколько неожиданное название—«Сфинкс», а вскоре запылал и третий — «Сибиряк».

На днях в скромном Каховском музее на одном из стендов я увидел фотографию уже знакомого мне танка «Сфинкса». На машине в окружении группы красноармейцев сидели трое: крайний слева — член Революционного военного совета республики Сергей Иванович Гусев; в центре, в папахе и наброшенной на плечи шинели,— командующий Южным фронтом Михаил Васильевич Фрунзе; крайний справа, в шлеме и в шинели с петлицами на груди,— военный инженер Дмитрий Михайлович Карбышев. Да, тот самый отважный патриот, генерал Карбышев, которого в дни Отечественной войны зверски замучили гитлеровцы в концлагере. Оказывается, он руководил строительством всех инженерных укреплений Каховского плацдарма, который 82 суток безуспешно атаковали врангелевцы...

Директор музея Волдемар Янович Ушатский, в прошлом боец 1-го Латышского кавалерийского полка, сражавшийся под Каховкой, заметив мой интерес к редкой фотографии, сказал:

— Что, любопытный снимок? А хотите познакомиться с одним из тех, кто подбил этот танк?..

...В Новой Каховке, раскинувшейся над Днепром, живет бывший артиллерист 15-й дивизии, в недавнем прошлом электрик строительства Каховского гидроузла, ныне пенсионер, Иван Григорьевич Новиков. Он хорошо помнит, как был подбит «Сфинкс», и живо, образно рассказывает об этом:

— Ночка выдалась тревожная. Из трех белогвардейских танков двум удалось пройти проволочные заграждения и ворваться в наше расположение. Чтобы не быть отрезанными, пехотинцы стали отходить.

Что делать нам? Отступать? Но приказа нет... Посоветовались мы меж собой и приняли такое решение: не ждать появления танков, а самим двигаться им навстречу. Ездовые подвели коней, взяли орудие на передки, и мы поехали. Я сидел впереди со снарядом в руках, чтоб сразу можно было зарядить, а подо мной лежали папки со всеми делами нашей батарейной комячейки, секретарем которой я тогда был. Еще ниже, под сиденьем, были подвязаны две ручные гранаты — в случае чего оставалось только сорвать кольцо...

Иван Григорьевич Новиков, один из артиллеристов 15-й пехотной дивизии, подбивших танк «Сфинкс».

Ехали мы недолго, вскоре показался силуэт танка. Развернулись, зарядили и прямой наводкой пальнули. Только, видать, поторопились, взяли слишком низко. Мы тотчас сделали в наводке поправку и, не мешкая, повторили. Смотрим: сигнальный красный фонарик танка крутится на одном месте. Не иначе, мы ему в гусеницу угодили, вот он и вынужден вертеться...

Позднее, уже утром, когда атака врангелевцев была отбита, мы смогли вблизи осмотреть подбитую машину, которую бросили белогвардейцы. Это и был танк «Д371» — «Сфинкс».

А. ВИТОЛ

Первый секретарь посольства ГДР тов. Кеббель вручает Е. А. Павлову медаль «За спасение человеческих жизней».

Награда отважному моряку

Правительство Германской Демократической Республики наградило советского моряка Евгения Александровича Павлова медалью «За спасение человеческих жизней».

В мае прошлого года учебное судно Ленинградского мореходного училища «Кодор» зашло в порт Росток. Невдалеке от места стоянки «Кодора», на набережной, играл пятилетний Клаус Браун. Оступившись, он упал в воду, стал тонуть. Заметив это, механик «Кодора» Евгений Павлов мгновенно бросился в воду, подплыл к утопавшему ребенку и спас его. Поступок советского моряка вызвал восхищение жителей Ростока. Вскоре на судно прибыл бургомистр, поблагодаривший Павлова от имени городских властей и родителей ребенка.

Недавно в Ленинграде первый секретарь посольства Германской Демократической Республики товарищ Кеббель вручил Е. А. Павлову медаль и грамоту Совета министров ГДР.

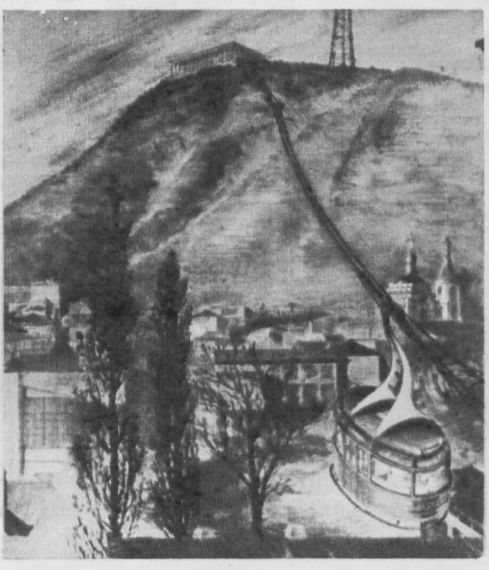
А. БРОДСКИЙ

Фото автора.

На международной ярмарке, происходившей в апреле в городе Осака (Япония), всеобщий интерес привлекал советский павильон. На снимке: посетители у модели советского искусственного спутника Земли.

Фото «Джапан пресс».

Перспективный вид воздушной дороги.

КАНАТНАЯ ДОРОГА В ТБИЛИСИ

В летние дни многие тбилисцы стремятся выбраться на гору Мтацминду — в цветущий парк, раскинувшийся на сотни гектаров. В парке строятся планетарий и плавательный бассейн.

Существующий фуникулер, построенный более 50 лет назад, не в состоянии перевезти в парк всех желающих. Сейчас строится пассажирская подвесная канатная дорога. На площади Руставели уже сооружается здание нижней станции.

Длина этой двухпутной дороги составит по наклону 914 метров. По несущим канатам будут передвигаться вверх и вниз два вагона. Каждый из них вмещает 25 человек.

Пассажирская воздушная канатная дорога должна начать работать в октябре 1958 года — к 1500-летнему юбилею Тбилиси.

С. МИРАКОВ, горный инженер

Павильон из чугуна

В Свердловской картинной галерее заканчивается реставрация художественного павильона, отлитого из чугуна мастерами Каслинского завода.

Высота павильона достигает пяти метров. Стены его ажурные, украшены разнообразными барельефами на сказочные темы, что вместе создает впечатление чудесного кружева.

Павильон демонстрировался в 1900 году на Всемирной выставке в Париже и был использован для экспозиции каслинских чугунных скульптур, пользовавшихся большой славой. Павильон получил на выставке 1-ю премию и золотую медаль.

Внуки старых умельцев вынесли сейчас сказочный домик из музейных кладовых, восстановили его первоначальную прелесть, чтобы нынешний зритель мог по праву оценить благородное искусство художников-литейщиков.

Б. ПАВЛОВСКИЙ
Фото И. Тюфякова.

Рудник Черноморский

Недавно обогатительная фабрика Камыш-Бурунского комбината приняла первый эшелон руды с мощного Черноморского рудника.

Обычно при слове «мощный» в воображении возникает большая, густо застроенная территория. Здесь же ничего подобного нет. Степь, холмы... Кажется, что громадный экскаватор просто остановился в пути. Но вдали виднеются многоэтажные корпуса Камыш-Бурунского железорудного комбината. К нему от экскаватора идет линия железной дороги с электрооткаткой.

Экскаватор «РС-300» — это своеобразный завод. Только один его ковш может выбрать в час до 360 тонн грунта. А таких ковшей — 38.

В. ОМЕЛЬЯНЕНКО

Многоковшовый экскаватор на Черноморском руднике.
Фото Г. Бородина.

Новые хозяева машин

Колхозы покупают тракторы, комбайны и другие сельскохозяйственные машины, которыми раньше владели МТС.

Среди таких — и колхоз имени Ленина, Курганинского района, Краснодарского края. Теперь он стал хозяином всех машин, имевшихся в МТС. И на место старой вывески «Михайловская МТС» водрузили новую: «МТМ (машинно-тракторные мастерские) колхоза имени Ленина».

Фото А. Воротынского.

Необыкновенный пассажир

Медвежонок совершает свою первую поездку по курорту.
Фото Н. Харичкина.

По утопающему в зелени сочинскому проспекту плавно катил легковой автомобиль. Изумленными взглядами провожали его прохожие: из окна шоферской кабины высовывался необыкновенный пассажир — медвежонок. Маленькому зверьку, по всей видимости, очень нравилось мчаться в машине: он то и дело озирался по сторонам и махал от восторга обеими лапами.

Самым удивительным в этой истории было то, что медвежонок попал в машину прямо из берлоги и впервые путешествовал по Сочи-Мацестинскому курорту.

Оказывается, он сорвался с отвесной скалы на дорогу Адлер — Красная Поляна и едва не угодил под колеса машины. Водитель Николай Иванович Греховодов назвал медвежонка Борькой. Специалисты определили его возраст: косолапому всего-навсего третий месяц от роду. Борька воспитывается у своего хозяина и, если судить по поведению, доволен новым жильем.

И. ЗАЙЦЕВ

ЮНСТРОЕВЦЫ

В номере 35 «Огонька» за прошлый год была опубликована заметка «Строит ТЮС». В ней рассказывалось, что ученики 2-й таллинской средней школы решили сами построить для своей школы новое, дополнительное здание.

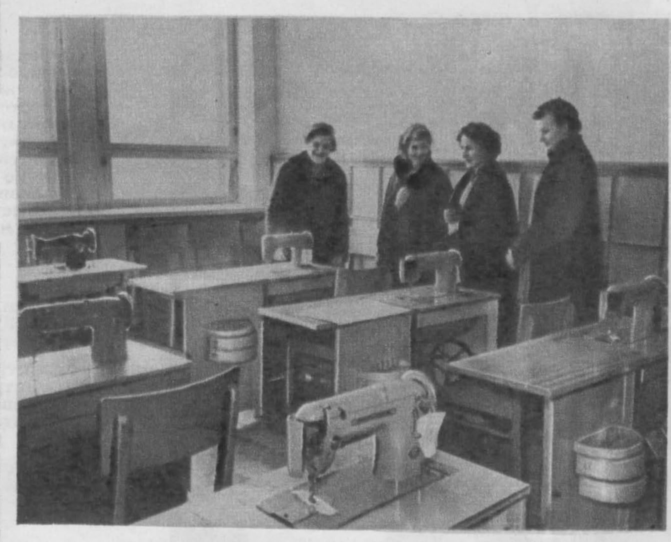
426 учеников старших классов весь год были не просто учениками, но и рабочими-строителями школьного треста «Юнстрой». Они научились готовить раствор, класть стены, работать по дереву, штукатурить, красить. Этот год оставил памятный след в жизни каждого из юных строителей: вместе с аттестатом зрелости они получили и строительные специальности, а некоторые — например, «директор треста» Хельдур Унльт и еще несколько ребят,— закончив школу, осенью поступили на строительный факультет политехнического института.

Как и задумали, дом в основном был готов к октябрьским праздникам. Зимой шли отделочные работы. И вот весной, в традиционный праздник «За честь школы», торжественно распахнулись двери нового двухэтажного здания.

Входим в классы. Свет яркого весеннего дня пропускают сюда высокие и широкие окна. Кроме длинной, во всю стену, доски, здесь нет ни одного темного предмета: фанерные панели на стенах выкрашены светло-зеленой краской, паркетный пол натерт светлой мастикой, и картины на стенах, которые написали в подарок школе эстонские художники, тоже полны света. Классы убраны ландышами и альпийскими фиалками. Но самое красивое здесь, конечно, парты: они светлые, с откидными крышками, покрытыми линолеумом. Если крышки поднять и поставить на опоры, парты превратятся в столики для черчения и рисования. Вместо неподвижной скамьи — стулья: так удобнее. Парты сделаны соответственно росту тех, кто будет за ними сидеть. Такие парты спроектировал для школы архитектор-художник Бруно Томберг — друг и энтузиаст «Юнстроя».

Юнстроевцам помогали родители, учителя и бывшие выпускники: они проектировали, чертили, составляли документацию и сметы. Школа вручила всем строителям награды.

Н. ХРАБРОВА

Новая швейная мастерская 2-й таллинской школы.
Фото С. Розенфельда.

Она снова видит

Сотни окон высокого, красивого здания глядят в голубую даль моря. Это Украинский экспериментальный научно-исследовательский институт глазных болезней и тканевой терапии имени В. П. Филатова.

Недавно здесь из окна палаты 19-летняя девушка Екатерина Белая вновь увидела мир.

...Катя работала мотористкой на стройке в Ленинграде. Случайно в глаза девушки попал известковый раствор. От ожога она ослепла.

— Не падай духом,— говорили ей подруги.—В Одессе есть знаменитый институт имени Филатова, тебя там вылечат.

Судьба девушки глубоко взволновала врачей. Проведенная ими операция — полная послойная пересадка роговицы на левом глазу — дала блестящий результат. Вскоре так же успешно прошла операция и правого глаза. Девушка снова увидела мир.

— Я уже свободно читаю, пишу письма родителям и друзьям. Нынешняя весна — самая радостная в моей жизни,— говорит Катя Белая.

М. КРИСЮК

Катя Белая у окна палаты.
Фото Я. Левита.

ИМ АПЛОДИРУЕТ МИР

Если попытаться обозначить на карте мира зарубежные гастроли наших артистов, их маршруты пересекут чуть ли не все параллели и меридианы. И везде советских гостей ждут переполненные залы, восторженные зрители...
Мы публикуем некоторые фотографии и отзывы из зарубежной печати.

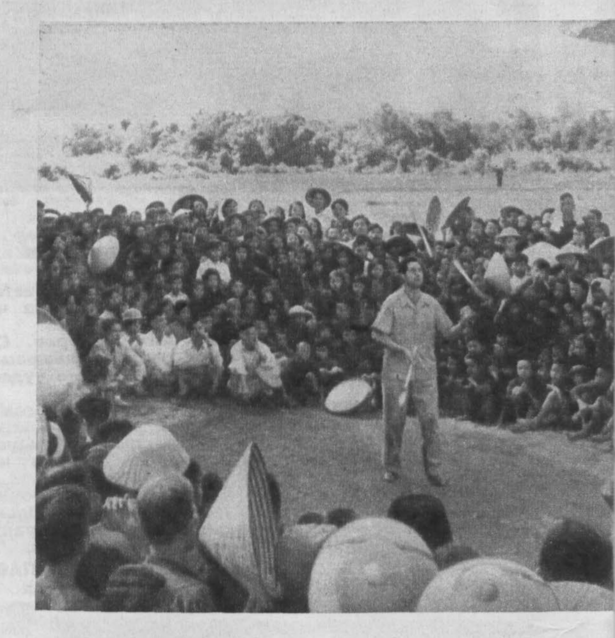

ФРАНЦИЯ

«Перед «Всем Парижем», при огромном стечении народа, Московский цирк вчера овладел Зимним велодромом.
Всех артистов очень горячо принимали...
Воспитанные в хорошей школе советского цирка, акробаты, жонглеры, артисты на трапеции, клоуны и укротители создают сплоченный и типично русский ансамбль. Энтузиазм зрителей становился все больше по мере того, как шло представление...
Идите на Вель д'Ив (Зимний велодром)! Вас там ждет настоящий цирк!»

«Юманите»

← Поздравить советских артистов цирка с успешными гастролями пришли их французские коллеги. Слева направо: М. Румянцев (Карандаш), клоун Кито, укротительница Маргарита Назарова, Тибо и Брижит Обер.

ВЬЕТНАМ

В лесу для крестьян стихийно возник концерт советской актерской бригады. Выступает артист А. Артамонов.

США

«Эмиль Гилельс был нетерпеливо ожидаемым солистом вчера на концерте Филадельфийского оркестра в Академии музыки.
Романтическая классика Бетховена много раз исполнялась многими великими пианистами на сцене Академии. Но пишущий этот отчет никогда в жизни не слышал, чтобы этот концерт был прекраснее сыгран.
С точки зрения интерпретации исполнение Гилельса было примером проницательной мысли и безошибочного чувства».

«Филадельфия Инкуайер»

Народный артист СССР Э. Гилельс на репетиции с Филадельфийским симфоническим оркестром. Дирижирует Ю. Орманди.

МЕКСИКА

«Константин Иванов, гениальный дирижер, дирижерская палочка которого принесла честь нашему симфоническому оркестру, вызвав бурные овации мексиканской публики...»

«Ревиста дэ Ревистас»

На снимке: выступление народного артиста СССР Константина Иванова в Мексике.

КИТАЙ

«...Я увлечен чудесным искусством новосибирского балета и не могу найти подходящих слов, чтобы описать его красоту и выразить свое чувство восхищения.

Увлекательные танцы, изумительная музыка, неоспоримо свидетельствуют о том, что лишь при социализме искусство принадлежит народу, служит народу...»

МАО ДУНЬ,
китайский писатель

Балетная труппа Новосибирского государственного театра оперы и балета выступает перед коллективом Шицзиньшаньского металлургического завода.

ЯПОНИЯ

В Токио Игорь Безродный (в центре) после концерта раздает автографы.

ФРГ

«Около 30 минут длились оглушительные овации советской концертной певице Заре Долухановой на ее первом концерте в Федеративной Республике в Гамбургском мюзик-холле».

Агентство печати ФРГ.

Концерт окончен. Народную артистку РСФСР Зару Долуханову и ее аккомпаниатора А. Ерохина окружили слушатели.

На аэродроме в Коломбо встречают группу советских артистов во главе с народной артисткой РСФСР Н. А. Казанцевой.

ЦЕЙЛОН

«Приезд русских в нашу страну воочию убедил цейлонский народ, что русские являются обыкновенными людьми, которые усиленно трудятся в направлении развития науки, культуры и всего лучшего для человечества.

...Собравшиеся дружно приветствовали русских на русском языке: «Миру мир».

«Таймс оф Цейлон»

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Во время гастролей Государственного театра имени Евг. Вахтангова. Народная артистка РСФСР Ц. Мансурова и народный артист СССР Р. Симонов отвечают на приветствия зрителей.

ИНДОНЕЗИЯ

«Большое здание Ночной Ярмарки, которое может вместить тысячи кресел, прошлой ночью было заполнено зрителями, желавшими присутствовать на представлении Тамары Ханум.

Тамара Ханум — очень талантливая артистка, все ее танцы очень пластичны и интересны. Самые бурные аплодисменты и выкрики одобрения были в тот момент, когда Тамара Ханум в саронге и кофте исполняла на хорошем и точном индонезийском языке индонезийские песни.

Сегодня же вечером также состоится концерт в пользу фонда борьбы за освобождение Западного Ириана».

«Пердамейан»

→
Народная артистка СССР Тамара Ханум (справа) в кругу индонезийских друзей.

Три интервью

В Японии существует пословица: «О море нужно расспрашивать у рыбака». Это верно, но не всегда: существуют события и явления, о которых не нужно расспрашивать специалистов, они понятны любому. Это события, которые волнуют всех. Таково решение Советского правительства прекратить дальнейшие испытания атомного оружия.

Мы решили посетить нескольких представителей Японии, гостящих в Москве, и узнать их мнение относительно этого исторического постановления.

Кацуюки Имаи.

МНЕНИЕ КОММЕРСАНТА

Представитель торговой фирмы Каваками господин Имаи охотно согласился побеседовать с нами.

Господин Имаи подробно рассказывал о себе и своих коммерческих планах. Фирма, в которой он служит, относится к числу «средних». Ей приходится выдерживать сильную конкуренцию крупнейших монополистических объединений. Тем не менее дела пока идут неплохо.

Разговор переходит на отношения между нашими странами. Господин Имаи оживляется. Он убежденно говорит о необходимости дружбы и сотрудничества. Японский коммерсант цитирует на память высказывания Владимира Ильича Ленина о мирном сосуществовании двух систем.

— Советский Союз, — говорит он, — великая держава. Я хочу, чтобы и моя родина была такой же сильной страной. Если мы будем торговать, наши страны будут богатеть и крепнуть.

Особенно охотно господин Имаи комментирует последнее решение Советского правительства. Несколько лет тому назад, будучи еще студентом, он сам активно участвовал в движении за запрещение атомного оружия. Долгими часами будущий коммерсант просиживал у здания американского посольства, требуя остановить дальнейшие испытания термоядерного оружия.

— Атомная бомба — оружие агрессора. Советская страна не собирается развязывать войну. Естественно, что именно она первой совершила такой гуманный акт — прекратила испытания ядерного оружия. Я беру на себя смелость утверждать, что деловой мир Японии удовлетворен этим решением.

Тоноаки Мацуура.

ОТ ИМЕНИ ТЕХ, КТО ИГРАЕТ НА ПИАНИНО

Имя Тоноаки Мацуура надолго запомнится советским слушателям. Виртуозная игра на Международном конкурсе имени Чайковского принесла ему звание лауреата и всеобщее признание. Встретиться с Мацуура оказалось так же трудно, как и достать билет на его выступления. Но вот наконец мы в номере гостиницы.

Мацуура рассказывает о себе, о своей учебе. Ему не удалось окончить консерваторию, и он брал частные уроки у профессора Нагаи. Он буквально потрясен тем приемом, который ему оказали москвичи. Ничего подобного он никогда не видел, хотя участвовал во многих конкурсах.

— Господин Мацуура, что вы, как представитель народа, испытавшего на себе ужасы атомной бомбы, можете сказать относительно решения Советского правительства?

Мацуура задумывается. Затем, медленно подбирая слова, говорит:

— Видите ли, я не берусь представлять целый народ. Я представляю здесь лишь тех, — Мацуура улыбается, — кто играет на пианино. Что я могу сказать вам? Однажды я встретил человека, его лицо носило ужасные следы после атомной бомбардировки Хиросимы. Когда я узнал о решении Советского Союза прекратить испытания термоядерного оружия, в моей памяти вновь возник образ этого несчастного. Я бы хотел, чтобы над человечеством больше не тяготело атомное проклятие. Человек не должен больше жить в страхе.

Мотоити Это.

Я НЕ МОГУ ДУМАТЬ ИНАЧЕ

Господин Мотоити Это оказался не очень разговорчивым собеседником. Железнодорожный инженер по профессии, он сразу же предупредил, что на вопросы, носящие политический характер, отвечать не будет: представляемая им фирма может быть недовольна его высказываниями. Тем более, что он, господин Это, не является ни бизнесменом, ни политиком. Его дело — подвижной железнодорожный состав.

Мы успокоили господина Это: нас интересует лишь один вопрос — как он, старый и опытный инженер, относится к решению Советского правительства прекратить атомные испытания.

Наш собеседник облегченно вздыхает и начинает улыбаться: он напрасно нервничал.

— Я считаю, что Советское правительство совершило исключительно великодушный акт. Очень хорошо, что оно решило прекратить испытания. Я с этим целиком согласен. Что иное может думать японец, даже не бывавший, как я, в Хиросиме и Нагасаки? На моем столе стоят фотографии этих городов как живое напоминание о страданиях моего народа. Я не могу думать иначе.

Мих. ЕФИМОВ

Фото М. Фридлянда.

Национальная эмблема Филиппин.

ЖЕМЧУЖИНА ВОСТОЧНЫХ МОРЕЙ

Мануэль КРУС,

филиппинский писатель

Много лет назад один из ранних филиппинских лириков, Хосе Пальма, написал песню; она с той поры стала нашим национальным гимном. Вот только две строфы:

Страна первозданного утра,
Вспоенная ласковым солнцем,
Согретая зноем и страстью,
Тебе — восторг наших душ!

Земля немеркнущей славы,
Героев твоих колыбель,
Вовек не топтать иноземцам
Священных твоих берегов!

Песня эта примечательна не только силой неизбывной любви к родине, но и тем, что поэту удалось выразить две стороны Филиппин: сверкающее величие тропической природы и нерушимую традицию борьбы народа за мир и свободу.

Человек, которому выпадет случай проехать по островам Филиппинского архипелага, будет долго рассказывать о величественных горных цепях, встающих прямо из океана, о плантациях кокосовых пальм, листья которых танцуют в дыхании свежего бриза, о похожих на башни скалах, где по расщелинам вьются диковинные растения тропиков. Вода в наших озерах и реках так прозрачна, что на глубине в шестьдесят футов глаз видит всю таинственную жизнь подводного царства: тут и кораллы всех форм и цветов, и гигантские черепахи, и рыбы разных пород и фантастических окрасок, желтые, голубые, серебряные, вишневые, непрерывно снующие у дна; а неподалеку — сотни гладкокожих «ломбо-ломбо» прыгают в воду и выскакивают обратно с такой удивительной слаженностью, словно их кто-то учил коллективной акробатике.

На одном из островов на юге Филиппинского архипелага есть большая подземная река. Вы можете там рыбачить, но лодка будет все время идти под сводами пещер и нависшими скалами, и так на протяжении более четырех миль. В Аламиносе, у побережья Лусона, можно плавать от островка к островку, чувствуя себя как в благоустроенном плавательном бассейне, созданном самой природой из камня и кристально чистой воды.

Филиппинские острова всегда славились своими лесами. Во многих местах они начинаются у самых берегов и тянутся непрерывными массивами до подножий горных цепей. Наше лесное ведомство насчитало более трех тысяч пород деревьев, произрастающих на наших островах. Молавэ, которую у нас зовут королевой лесного царства, — одно из самых твердых деревьев на свете, оно стало на Филиппинах символом мужества, выносливости и силы.

Над лесами, озерами и реками, над рисовыми полями, лугами вьются мириады птиц бесконечно разнообразных видов. Многие из них живут только на Филиппинах. Есть у нас гарпия-обезьяноед, гроза обезьяньих стад, это самый большой орел в мире. Есть павлино-фазан, он водится на южных островах. Есть «солнечная птица», оперение которой сверкает металлическим блеском. Многие из наших птиц — несравненные певцы. В общем, на Филиппинах, как говорят, семьсот пятьдесят видов птиц. Ежегодно в сентябре начинается перелет дичи, и тогда озера покрываются стаями уток.

О многих плодах и овощах Филиппин люди холодных широт никогда, может быть, и не слыхали. Одних бананов, как утверждают наши садоводы, на Филиппинах около семидесяти шести сортов. Дурнам — плод, не имеющий равных по тонкости вкуса и аромату среди всех плодов земли. Но о чем я могу говорить без конца, — это о манго. Описывая этот плод, наш видный писатель Хосе Гарсиа Вилла говорил: «Манго — очаровательный плод, но филиппинский манго божествен».

Глубоко в земле Филиппин хранятся ее естественные богатства, они еще ждут руки человека: золото и серебро, медь и хромиты, железные руды, марганец. Соединенные Штаты потому и испытывают «привязанность» к Филиппинам, что наши острова богаты марганцем, этим важнейшим сырьем для производства стали.

И еще хочется сказать о нашей

Феликс Гидальго (1855—1913). МОРСКОЙ ПЕЙЗАЖ.

Фернандо Аморсоло (род. 1892). ЮНЫЕ ПРАЧКИ.

погоде. Если не считать сильных дождей, выпадающих между июнем и началом ноября, климат Филиппин — это сплошная весна. Деревья зелены круглый год, разве только самые нежные из них в апрельско-майскую жару сбрасывают на время листву.

Земля, оставленная нам нашими предками, сказочно плодородна. Один из наших историков писал о филиппинской земле: «Пошевелите ее слегка заостренной палкой, и она улыбнется вам урожаем».

Но все это изобилие, доставшееся нам много веков назад, то и дело расхищалось иноземными захватчиками. Нам приходилось бороться и снова бороться за право владеть и пользоваться собственным достоянием. В XVI—XIX столетиях нами правили испанцы, и народ наш во многом утерял тогда свою исконную жизнерадостность. Наш национальный герой Хосе Рисаль, один из самых глубоких умов и одно из самых пламенных сердец освободительного движения Филиппин, в мрачные годы испанского владычества написал прощальные стихи, обращенные к народу, который он так любил. Это было незадолго до того, как его казнили по приказу испанских сатрапов:

Прощай навек, земля моей отчизны,
Обласканная солнцем и волнами,
Морей восточных жемчуг драгоценный,
Потерянный ее сынами рай...

В самый разгар черных лет иноземного гнета прозвучал голос другого филиппинского патриота и поэта, Франциско Балтасара (известного под именем Балагтаса). Его гневные строки прорвались через густую колючую проволоку цензуры:

Над всей моею горькою страной
Простерлись крылья злобы и измены,
И нет приюта там ни праву, ни заслугам,
Судьба их — изнывать на дне могилы черной.

К исходу XIX столетия народ наш снова поднялся. На этот раз число восставших было велико. Во главе борьбы стоял молодой рабочий Андрес Бонифасио. Народ решил вырвать из рук Испании жемчужину восточных морей... Но в час близкой и верной победы явилась другая держава и разрушила наши надежды: во время испано-американской войны 1898 года правительство Соединенных Штатов, президентом которых был тогда Уильям Мак-Кинли, послало на Филиппины своих головорезов. Кровью и железом американские правители выхватили из рук испанцев колониальное господство над нашими островами. А во второй мировой войне нам пришлось защищать «американские» Филиппины от японских милитаристов...

Пришел июль 1946 года. Филиппинские острова получили от Соединенных Штатов Америки независимость — на словах. Превратить формальную независимость в действительную — вот что продолжает оставаться самой жизненной задачей нашего народа.

Филиппины стоят на одном из первых мест в мире по выращиванию кокосового ореха и сахарного тростника. Подсчитано, что на каждого филиппинца приходится по 8 кокосовых пальм, — а нынешнее население страны немногим меньше двадцати трех миллионов. Филиппины дали за последнее десятилетие почти треть мирового производства копры и кокосового масла. Наши острова — единственный район в мире, где производится абака, известная как манильская пенька (она давно заслужила славу лучшего материала для оснастки морских судов). Что же касается табака, то изготовление манильских сигар у нас на островах еще со времен испанской оккупации стало одним из главных занятий жителей.

В нашем сельском хозяйстве много домашних и прирученных животных: водяных буйволов (карабоу по-тагалогски), коров, лошадей, свиней, овец, коз, а также всякой домашней птицы. Водяной буйвол не только тягловый скот в сельскохозяйственных работах, он до сих пор остается одним из распространеннейших средств транспорта. Буйвол пашет землю, тащит телегу на рынок, развозит молоко и даже идет в пищу, если нет хорошей говядины.

Рис и рыба — основа нашего питания. Даже если филиппинец добавляет к рису мясо или овощи, он все равно называет это рыбой. Поэтому, если вы хотите узнать, что сегодня подадут на обед в филиппинской семье, вы спрашиваете: «Что у вас сегодня на рыбу?» В некоторых местах, например, на Висаянских островах, в пищу наряду с рисом употребляют хлеб, в особенности когда цены на рис повышаются.

С того времени, как Соединенные Штаты перехватили у испанцев господство над островами, на Филиппинах царит хроническая нехватка риса. Причина та, что американцы стимулируют только экспортные культуры: сахарный тростник, абаку, кокосовый орех, табак, — мало заботясь о рисе.

Филиппины поддерживали торговые отношения с соседними странами уже начиная с IX столетия. В те древние времена мы торговали с Китаем, Аравией, Индо-Китаем. Мы старались учиться всему полезному от других народов. И даже во времена испанского гнета мы делали различие между испанским народом и теми немногими людьми испанской национальности, которые грабили и тиранили нас. Так и с Соединенными Штатами Америки: мы отличаем американский народ от американских монополий, которые грабят и угнетают нас.

Наш нынешний национальный язык (тагалогский) имеет отчетливые корни санскрита, арабского, китайского, испанского, английского языков. Наши первые реформаторы-просветители жили в Европе. К их числу относится уже упомянутый доктор Хосе Рисаль, говоривший на семнадцати языках и читавший на двадцати одном, включая русский. Хуан Лу́на и Феликс Ресурексион Гидальго, жившие в Мадриде и Барселоне во второй половине прошлого столетия, писали художественные полотна такой силы, что даже правительство, которое тогда управляло нашей страной, должно было присудить им золотые медали. В наши дни живописную традицию, заложенную Лу́ной и Гидальго, продолжали: Фернандо Аморсоло, Фабиан де ла Роса, Гарсиа Ламас, Висенте Манансала и другие филиппинские художники.

Мы дали миру стихи нашего национального поэта Франциско Балтасара, призывы которого к борьбе против угнетения громко звучат и сегодня. Мы подарили также человечеству патриотические песни Хосе Пальма. Его традиция подхвачена более молодыми талантами — Люсио де Сан Педро и Фелиппе де Леон. Скрипичные концерты Эрнесто Вальехо известны во всех странах, как и голос Джовиты Фуэнтос, который не раз звучал в концертных залах Европы.

Пишут филиппинцы на трех языках, хотя испанский начал увядать, уступая дорогу английскому и возрожденному тагалогскому.

Наша литература — будь то на тагалогском, испанском или английском языках — проникнута глубокими мотивами горя, протеста, обвинения. Филиппинцы не могут спать спокойно, пока на наших островах много американских баз, а сейчас намечается и строительство ракетных площадок. Соединенным Штатам нужны прежде всего филиппинские солдаты — это подтвердила последняя сессия СЕАТО в Маниле. Наша близость к району американских испытаний ядерного оружия тоже не создает чувства безопасности.

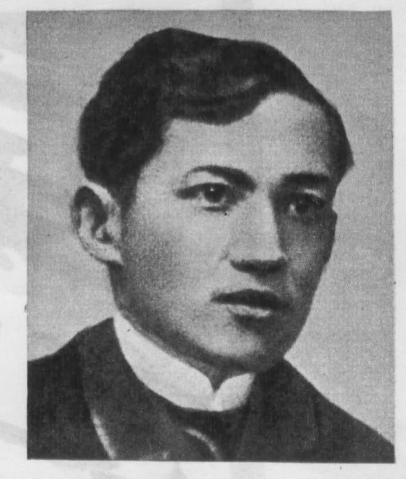
«Жемчужина восточных морей» больше всего ценит мир и свободу. Мы, так жестоко боровшиеся против различных поработителей, хорошо знаем, что такое бедствия войн. Во второй мировой войне наши потери в имуществе составили восемь миллиардов песо, это трехлетний национальный доход страны. А жизни, потерянные нами в войне против фашизма на востоке, их ведь не пересчитаешь на деньги! Лучшие наши сыны погибли не только на полях сражений, но и от страшного голода, обрушившегося на нашу землю. Наш народ пережил и более страшное: когда ребенка вырывают из твоих рук и закалывают штыком или рубят на куски, когда близкие гибнут у тебя на глазах от бомб, летящих с неба. Наши женщины узнали горе вдовства, мужчины — горечь разлуки с женой, уведенной фашистами, дети — слезы и отчаяние сиротства. Разве может война не быть им ненавистной?!

Прелюдией к так называемой коллективной безопасности в Азии, которую навязывают нам американские милитаристы, была война в Корее. Она обошлась нам в 24 миллиона долларов и во много сотен человеческих жизней. Это по указке Вашингтона и Пентагона нас принудили к участию в войне против мирного народа Северной Кореи. В первом же бою на корейской земле часть «филиппинских экспедиционных сил» под командованием полковника Анзуреса оставила поле боя и вернулась на Филиппины. Солдаты были глубоко возмущены тем, что американское командование обращалось с ними в Корее, как с рабами.

Сейчас ширмой, за которую прячутся американские империалисты, стало СЕАТО. Последняя конференция этого сообщества агрессии состоялась в Маниле, но для нас это не новость. В нашей стране уже созывались под эгидой США подобные конференции. В 1949 году это был так называемый «южноазиатский антикоммунистический фронт», он заседал в нашей летней столице Багио, куда был приглашен даже обанкротившийся Чан Кай-ши с Тайваня. Помня об этом, филиппинский народ проявляет весьма мало энтузиазма к СЕАТО. Известный писатель и журналист Теодоро Локсин говорил о сборище в Багио как о «собрании призраков», ибо нелепо думать, что нашей безопасности угрожает какое-либо из новых демократических государств Азии. Подлинная угроза — это американские базы, которые строятся в нашей стране, и испытания ядерного оружия, которые готовятся по соседству с ней.

Тяжелое беспокойство гнетет наш народ. Снижается уровень жизни — это результат все возрастающего денежного долга Филиппин Америке. Соединенные Штаты требуют от нас создать дивизию филиппинских солдат как «вклад в дело защиты Восточной Азии». Одно содержание дивизии обойдется нам не менее десяти миллионов песо в год... Народное хозяйство, школа, охрана здоровья — все это приносится в жертву идее создания «большой армии» и ее вооружения по последнему слову военной техники. Почти половина нынешнего филиппинского бюджета уходит на армию и другие военные расходы. И все это принуждают нас делать Соединенные Штаты в интересах «политики призраков», которую они ведут в Юго-Восточной Азии.

Но древняя филиппинская пословица гласит: «Тот, кто живет с мечом, погибнет от того же меча».

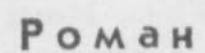
Хосе Рисаль.

Андрес Бонифасио.

[1] Фабиан де ла Роса (1868—1937). НА РЕКЕ.

Роман

Лев ОВАЛОВ

Рисунки П. Караченцова.

Лев Овалов.

П. Караченцов.

Несколько слов от автора

О своем друге Иване Николаевиче Пронине, работнике органов государственной безопасности, я написал в свое время книжку рассказов («Приключения майора Пронина»), тому минуло почти два десятка лет.

Вскоре после опубликования этих рассказов началась Великая Отечественная война.

Она разлучила меня с Прониным, мы оба очутились в таких обстоятельствах, что не только были лишены возможности поддерживать какую-либо связь, но просто потеряли друг друга из виду.

Наступили события столь грандиозные и величественные, что судьбы отдельных людей невольно отодвинулись в тень.

Но вот война окончилась, страна перешла к мирному строительству, люди начали находить друг друга, и спустя большой, я бы сказал, очень большой промежуток времени жизнь снова столкнула меня с Прониным.

Естественно, посыпались вопросы: кто где был, чем занимался, что пережил...

Пронин никогда не любил распространяться о себе.

— Что я делал и чем занимался, рассказывать еще не пришло время, да и не обо всем вправе я говорить,— сказал он.— Но есть у меня записки одного офицера, с которым мне пришлось столкнуться в первые годы войны. Дам я их тебе, почитай. В них ты почерпнешь и некоторые сведения обо мне. Писал он их не для печати, но если они покажутся тебе любопытными, можешь опубликовать. Разумеется, в этом случае подлинные имена надо заменить вымышленными.

Прочел я эти записки и решил, что напечатать их стоит.

Править рукопись мне почти не пришлось: может быть, кое-где я чуть-чуть прибавил деталей и заменил собственные имена, но ничто существенное в ней не изменено.

1. ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Медная пуговица, простая медная пуговица — это все, что осталось мне на память о тех необыкновенных и трагических событиях, свидетелем и участником которых мне случилось быть...

Вот я выдвигаю ящик своего письменного стола, беру в руку эту медяшку, и передо мной возникает облик женщины,— таких не часто приходится встречать в жизни.

Множество загадочных обстоятельств сопутствовало моему знакомству с такой странной и необычной женщиной, какой была Софья Викентьевна Янковская.

Она не была красива, особенно в общепринятом понимании: черты лица ее были неправильны, фигура далеко не безупречна. И, тем не менее, она нравилась мужчинам, во всяком случае многие из них шли на всякие компромиссы ради сохранения ее благосклонности...

Представьте себе женщину несколько выше среднего роста, темную шатенку, так что в сумерках волосы ее казались даже черными, с продолговатым лицом, с высоким, почти мужским лбом и с глазами какого-то монгольского рисунка, они имели неопределенный серый цвет, но иногда, особенно в минуты волнения, явственно зеленели, и при всем этом их всегда отличал неизменно холодный блеск. И если в верхней половине ее лица было что-то мужское, вся нижняя часть лица была совершенно женская. Нос ее, мало гармонировавший с продолговатым овалом лица, назвать курносым было бы слишком сильно, но сказать только, что он вздернутый, было явно недостаточно; небольшой ее подбородок был невелик и имел совершенно мягкие девические очертания. Но всего удивительнее выглядели на ее лице губы, то чувственные, по-детски пухлые и ярко-красные, чуть ли не пунцовые, а то вдруг делавшиеся злыми, узкими и бледневшими почти до белизны. Уши у нее были больше, чем следовало бы иметь женщине, но они свидетельствовали о ее музыкальности. Румянец на ее щеках появлялся только временами, гладкие волосы лишь немного вились на висках; небольшие руки казались удивительно хрупкими, зато ноги были хорошо развиты и заметно мускулисты, как у хорошо тренированных профессиональных спортсменок.

Впрочем, вполне возможно, что многие нашли бы внешность этой женщины вполне заурядной, но, повторяю, обстоятельства нашего знакомства были столь исключительны, что мне стало казаться, будто и наружностью участница описываемых событий чем-то отличается от обычных людей... Но пока что остановлюсь. Полагаю, что по ходу действия постепенно обрисуется и внешний портрет и духовный облик этой странной и, я бы сказал, не опасаясь упреков в пристрастии к романтической терминологии, зловещей женщины.

Единственное, что мне хочется еще подчеркнуть в ее наружности, это какую-то неуловимую асимметричность в лице и фигуре.

Когда во время разговора она одним ухом слушала своего собеседника, другим ухом она, казалось, прислушивалась к какой-то неслышной и ей одной доступной музыке сфер; если один глаз ее был внимательно устремлен на собеседника, другим она точно просверливала пустоту за его спиною; и если правой рукой поглаживала своего собеседника по руке, левая ее рука, возможно, нащупывала в это время в сумочке или муфте крохотный, но отличного качества пистолет для того, чтобы через минуту пристрелить этого же собеседника.

Однако начну по порядку.

Впрочем, для полной ясности надо еще предварительно сказать несколько слов о себе.

Сам я офицер, штабной работник; за несколько месяцев до начала войны мне пришлось выехать в один старинный большой город, находившийся как раз на условной границе между Западной и Восточной Европой, не без злого умысла выдуманной досужими европейскими политиками.

Командировка моя в этот город имела сугубо секретный характер. Возможность возникновения войны никем и никогда не исключалась, и, не распространяясь подробнее, скажу только, что целью моей командировки бы-

ло изучение возможного театра военных действий и разработка дислокации некоторых специальных войсковых подразделений на случай возникновения войны и вторжения противника на северо-западные территории нашей страны.

Город, который на некоторое время стал моей резиденцией, был шумным и оживленным, с многочисленным и пестрым населением. Старинные кварталы перемежались в нем с кварталами многоэтажных доходных домов. Мне то и дело приходилось сталкиваться с не изжитыми еще контрастами богатства и бедности, и многое в нем было мне одновременно и любопытно и чуждо.

Впрочем, теперь уже нет нужды скрывать название города — это была Рига, столица Латвии, которая тогда лишь недавно провозгласила себя Советской республикой.

Жил я по ряду деловых соображений на частной квартире, в семье рабочего крупного механического завода, старого коммуниста, партийные качества которого были проверены еще в годы тяжелого революционного подполья. В этой квартире я занимал отдельную комнату, у меня были ключи и от общего входа и от своей комнаты, и хозяев я стеснял мало. Здесь, на отлете, я находился и как бы в тени, чего трудно было добиться в какой-либо гостинице, и в то же время среди своих людей и мог не опасаться ни случайных посетителей, ни контроля со стороны слишком любознательной прислуги...

Впрочем, рассказ этот ведется не обо мне. Начну по порядку, с первой моей встречи с Софьей Викентьевной Янковской.

Помню, как сейчас, поздним вечером я возвращался домой от своего начальника, которого время от времени мне приходилось посещать с докладами о ходе своей работы. Июнь шел к концу. Стояла отличная сухая погода. Выйдя из большого и ярко освещенного здания, занимаемого нашим военным ведомством, в узкий и слабо освещенный переулок, я свернул вниз и через несколько минут очутился на просторной и очень нравившейся мне набережной Даугавы.

Лето в Прибалтике отличается удивительной мягкостью, оно обволакивает вас своей теплой истомой как бы исподволь; переход от весны к лету совершается столь постепенно, что вы вместе с природой познаете всю прелесть ее расцвета, нисколько не страдая от жестокого изобилия солнца, которое так тяжело обычно ощущается нами на юге, а летняя ночь в Прибалтике является как бы естественным завершением светлого радостного дня.

На улице я словно окунулся в волну нежных запахов, поднимающихся от реки и влажных деревьев...

Было поздно и поэтому очень пустынно. Одет я был в штатское, на мне было темно-серое пальто и такая же шляпа; в темноте я должен был сливаться с гранитными стенами тянувшихся вдоль набережной тяжелых домов.

Неожиданный порыв ветра донес до меня острый речной холодок, я вздрогнул от внезапного озноба, у меня даже появилось желание поднять воротник пальто, как вдруг я услышал за своей спиной негромкий возглас:

— Послушайте, вы!

В первое мгновение у меня было мелькнула мысль, что это какая-нибудь ночная фея хочет завербовать себе случайно подвернувшегося прохожего, но тут же я решительно отверг эту мысль: в голосе, который я только что услышал, звучали такие властные и капризные нотки, какие никак не могли быть свойственны нетребовательной уличной девице.

Я обернулся. Позади меня посреди широкого тротуара стояла неизвестно откуда появившаяся дама. Она была в легком светлом пальто, руки ее были засунуты в карманы, левым локтем она прижимала к себе большую, по тогдашней моде, дамскую сумку, на голове у нее была простая и совсем немодная шляпа с небольшими полями, и с первого же взгляда на незнакомку можно было поручиться, что это очень порядочная и приличная дама.

— Простите, что я вас остановила, — сказала она, и хотя говорила она по-русски сравнительно правильно, в ее речи звучал мягкий чужеземный акцент. — У меня к вам большая просьба... Надеюсь, вы не откажете...

Вместо ответа я молча ей поклонился.

— Я вас очень прошу, проводите меня до конца набережной, — продолжала она. — Это не так уж трудно, хотя...

Мне действительно показалось не столь уж трудным проводить ее до конца набережной, а что значило ее «хотя», я понял только в конце нашей десятиминутной прогулки.

Дама не производила впечатления неразумной трусихи, но мало ли какие фантазии приходят в голову дамам, и, так подумав, я молча предложил ей свою руку, не придав серьезного значения ее просьбе.

Мы пошли вдоль безмолвных домов, почему-то вдруг показавшимися мне суровыми и холодными. Моя спутница молчала, а у меня и подавно не было никакого намерения докучать ей своими расспросами. Нигде не было заметно ни одного прохожего. В отдалении поблескивала река. В небе тускло мерцали звезды. Еще дальше, за рекой, переливались неясные огни разбросанных на другом берегу улиц.

Внезапно тишина наполнилась шелестом скользящих по камням автомобильных шин. Я оглянулся. Издалека по направлению к нам мчался автомобиль. Должно быть, это была машина очень хорошей марки, потому что приближалась она столь стремительно и бесшумно, что не прошло и мгновения, как ее фары совершенно ослепили меня.

Но не успел я еще прийти в себя, как моя странная спутница резким рывком повернула меня к себе так, что я стал спиною к мостовой, прижалась ко мне, притянула к своему лицу мою голову — меня обдало запахом каких-то слабых и пряных духов — и прильнула своими губами к моим губам.

В эти секунды, когда она меня целовала, я услышал, как машина, поравнявшись с нами, замедлила ход, как на ходу дверца ее приоткрылась и тут же захлопнулась, а когда я отстранился от этой странной женщины, машина была уже далеко впереди и только красная лампочка, светившаяся позади кузова, мелькнула перед моими глазами, как сигнал о только что грозившей и исчезнувшей опасности.

Вероятно, я не смог скрыть удивления, с каким посмотрел на свою спутницу, потому что она коротко и мягко рассмеялась и погладила меня по рукаву.

— Вы милый, я могла бы вас полюбить, — кокетливо сказала она и торопливо добавила: — Не смущайтесь, это совершенно невозможно, я вас никогда не полюблю.

Но едва мы сделали еще несколько шагов, как полную смутных шорохов и неясных звуков тишину летней городской ночи прорезал тонкий и пронзительный и, я бы сказал, даже мелодичный и словно предупреждающий свист.

Оглянуться я не успел.

Моя спутница рванула меня за руку, толкнула к стене и по-мужски сильной рукой пригнула мою голову...

Во мне мгновенно возникло какое-то совершенно инстинктивное ощущение, что в меня сейчас выстрелят...

Но нет, выстрела я не услышал.

И, однако, я явственно ощутил какое-то движение воздуха, точно незримая птица стремительно пронеслась надо мной, почти коснувшись меня своим крылом...

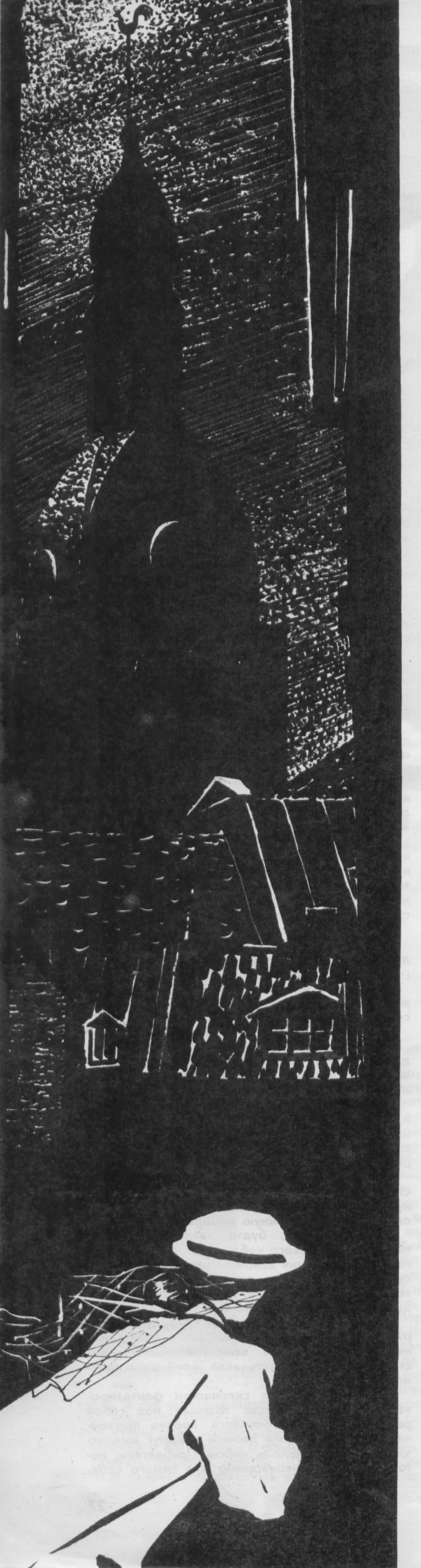
Свист оборвался, выстрела не последовало, и, тем не менее, у меня не проходило ощущение того, что в силу каких-то загадочных обстоятельств я превратился в дичь, за которой охотятся какие-то незримые охотники.

Лишь спустя несколько секунд, когда моя спутница отвела от меня свою руку, я обернулся назад, вглядываясь в неясный сумрак, окутывавший пустынную набережную.

Мне показалось, будто вдалеке на фоне темного, свинцового неба обрисовалась какая-то тень, очертания какой-то человеческой фигуры, но видение это длилось всего один миг, тень эта тотчас исчезла, как бы растаяв среди других бесформенных ночных теней...

Я тут же подумал, что этот призрак был нарисован лишь собственным моим воображением, возбужденным всей той таинственностью, которая сопутствовала моей неожиданной спутнице.

Я никогда не имел склонности фантазировать и всегда твердо ощущал под собой реальную почву, занимался вполне прозаическими и суровыми делами и вдруг именно здесь, под свинцовым небом Прибалтики, летом 1941 года, неожиданно для самого себя,

стал участником происшествий, о которых раньше читал только в авантюрных романах!

Однако моя спутница как ни в чем не бывало равнодушно смотрела на меня.

Я не мог скрыть своего раздражения.

— Однако! — невольно вырвалось у меня, и я не без язвительности спросил: — Как вы думаете, это долго еще будет продолжаться?

— Что именно? — переспросила она, усмехнулась и тут же сама ответила: — Ах, это... Нет, не думаю. Скорее всего на этом все кончилось.

— А вы не объясните мне, что все это значит? — спросил я, доискиваясь до истинного смысла всего происходящего.

— Нет, не объясню,— сухо ответила моя спутница, но тут же любезно добавила: — Во всяком случае, благодаря вам я избежала серьезных неприятностей, и мне приятно, что мой выбор был сделан правильно.

— Ну, сделать его было не так уж трудно,— угрюмо отозвался я.— Как будто я был единственным, кто попался вам на дороге.

— Напрасно вы так думаете,— возразила моя спутница, крепко опираясь на мою руку.— Я очень хорошо знала, с кем имею дело, прежде чем обратилась к вам.

— Неужели? — насмешливо произнес я.— Мужчина лет тридцати, высокого роста, прилично одетый...

— О, нет! — прервала меня незнакомка.— Я знаю больше, нежели вы думаете. — Она насмешливо посмотрела на меня снизу вверх.— Хотите, я скажу, кто вы такой?

Я покровительственно посмотрел на нее сверху вниз.

— А ну, попробуйте!

Она ответила не задумываясь:

— Вы советский офицер, майор Макаров.

Мне опять пришлось удивиться.

— Однако!..

— Вы были сейчас на докладе у своего начальника, а занимаетесь здесь...— Она помолчала и опять усмехнулась.— Ну, это неважно, чем вы занимаетесь.

— А все-таки? — спросил я, желая до конца знать все, что известно обо мне этой женщине.

— Это не так важно,— по-прежнему уклонилась она от ответа и ускорила шаг.

Я шел рядом с ней и напряженно думал, что все это могло значить.

— Вот мы и пришли,— сказала она, подняв кверху подбородок и как бы указывая им вперед.— Помните: от угла наши дороги расходятся.

Мы остановились на углу — набережная шла вниз, а в сторону от набережной начиналась линия бульваров, освещенная разноцветными огнями расположенных по обеим сторонам магазинов и ресторанов.

— А все-таки кто же вы такая? — спросил я незнакомку.

Она засмеялась.

— Вы же русский,— сказала она.— А у русских есть хорошая поговорка: «Много будешь знать, скоро состаришься». А скоро состаришься — значит, скоро умрешь. А смерти я вам не желаю.

Но я не хотел ее отпустить, не разгадав ее загадок.

— Все же как вас зовут?

— Зося, — сказала она. — И все. Прощайте.

Она отпустила мою руку, но я попытался ее удержать и потянул было к себе ее сумку. Она сразу же грубо и больно ударила меня по руке, и сумка упала к ее ногам. Я наклонился, но, едва взялся за плетеный кожаный ремешок, ощутил под своими пальцами движение воздуха, и сумка повисла на оборванном ремешке.

Моя спутница выхватила ее из моей руки, а когда я, невольно посмотрев по сторонам, вновь перевел взгляд на странную незнакомку, ее уже не было, и я с досадой увидел только ее светлое пальто, мелькавшее за деревьями на довольно значительном расстоянии.

Это загадочное происшествие выбило меня из размеренной колеи моей жизни...

Стало банальным говорить, что подлинные происшествия бывают подчас удивительнее самых изощренных выдумок. В моей памяти невольно мелькнули запутанные фабулы детективных романов знаменитого Уоллеса, но то, что только что произошло со мною, превосходило фантазию Уоллеса.

Нельзя было упустить эту женщину из виду! Ее пальто мелькало за деревьями, она быстро удалялась...

Я прибавил шагу.

За темными купами деревьев, над крышей «Рима», самого фешенебельного рижского отеля, сияли зеленые огни ресторана.

Незнакомка свернула к отелю.

Следовало догнать ее и выяснить все, что можно.

Я торопливо пересек бульвар и улицу и подошел к ярко освещенным дверям; швейцар предупредительно распахнул их передо мною.

Войдя в просторный и нарядный вестибюль ресторана, я понял, что свободное место в нем отыскать не так-то легко: весь гардероб был завешан верхней одеждой. Все же я разделся и по широкой мраморной лестнице поднялся в громадный зал, украшенный бесчисленными зеркалами в позолоченных рамах и бронзовыми люстрами с хрустальными подвесками, которые переливались всеми цветами радуги.

Зал был действительно полон, все столики были заняты. Далеко не вся буржуазная публика покинула советскую Ригу, кое-кто не успел выбраться, кое-кто чего-то выжидал, и по вечерам многие из тех, кому было не по нутру все то новое, что неожиданно ворвалось в жизнь старой Риги, коротали время в ночных ресторанах, которые еще продолжали жить своей мнимо красивой жизнью. Мужчины были преимущественно в смокингах и визитках, женщины — в вечерних туалетах; на невысокой эстраде салонный оркестрик тянул какую-то заунывную мелодию, под звуки которой редкие пары лениво шаркали по паркету несгибающимися ногами.

Я было хотел попросить разрешения присесть к чьему-либо столу, но мне повезло, и я как-то сразу наткнулся на только что освободившийся столик. Расторопный официант не заставил себя ждать, быстро принял от меня заказ, и уже через пять минут передо мной пыхтел мельхиоровый кофейник и поблескивала золотистыми искорками бутылка отличного Мартеля.

Я пригубил рюмку с коньяком, отхлебнул кофе и принялся разглядывать публику...

Я скользил взором от столика к столику, от лица к лицу...

Да, я пришел сюда не зря! Я увидел свою недавнюю спутницу...

Она сидела через несколько столиков от меня.

Была она в строгом черном бархатном платье, низкий вырез подчеркивал белизну ее шеи и скрывал недостатки худощавой груди, и единственным украшением на ней был небольшой агатовый крестик, висевший на тонкой золотой цепочке... Нет, ошибиться я не мог!

Взгляд ее был обращен куда-то в пространство, она смотрела точно поверх всех голов и, казалось, никого не замечала.

Вместе с нею за столом сидели дама постарше в лиловом шелковом платье и мужчина неопределенных лет, весьма тщательно одетый, но с таким невыразительным и скучным лицом, что о нем ничего нельзя было сказать, кроме разве того, что он являлся обладателем коротко подстриженных рыжеватых усиков и тщательно прилизанной шевелюры, цветом своим напоминавшей отсыревшую пеньку.

Я принялся рассматривать свою недавнюю спутницу, и она, должно быть, почувствовав мой взгляд, перевела свои устремленные в потолок глаза на меня.

Я не знал, стоило ли мне здесь, в этом ресторане, на виду у десятков людей обнаружить, что я ее знаю, и я ограничился легким полупоклоном, который свидетельствовал о моем внимании к ней и одновременно не мог быть замечен окружающими.

Но она равнодушно отвела от меня безразличные свои глаза и ни одним движением ресниц не ответила на мое приветствие, точно видела меня впервые в жизни.

Я подозвал официанта.

— Скажите,— спросил я его, кивая в сторону своей ночной спутницы, — эта дама часто бывает здесь?

— Я не знаю этой дамы,— с вежливым равнодушием ответил официант.— Но если желаете, я могу познакомить вас с другой дамой, несколько наискось, настоящая блондинка и очень любит высоких мужчин.

Я его поблагодарил...

Тем временем моя незнакомка и ее спутники поднялись и пошли к выходу.

Они прошли мимо моего столика, и на меня снова пахнуло слабым и пряным ароматом незнакомых духов...

Очевидно, она отнюдь не мечтала о продолжении нашего знакомства.

Выждав минуту, чтобы не дать никому заметить, за кем я следую, я бросил на стол несколько бумажек и пошел из зала.

В вестибюле никого уже не было. Я вышел на улицу, но и на улице не было никого, кроме редких прохожих, которых отнюдь нельзя было спутать с интересующими меня людьми.

Я обернулся к швейцару.

— Вы не заметили дамы... в светлом пальто?..

Швейцар вежливо и даже чуть соболезнующе улыбнулся.

— Они только что уехали в машине, втроем: две дамы и один господин...

Мне не оставалось ничего другого, как пойти домой с тем, чтобы с утра поставить в известность обо всем происшедшем тех, кому следовало об этом знать.

Приняв это благоразумное решение, я сунул швейцару чаевые, спустился со ступенек на тротуар и не спеша отошел от ресторана.

Я спокойно шел по улицам сонной Риги, редким прохожим было до меня столько же дела, сколько мне до них, дошел до дома, в котором жили Цеплисы — такова была фамилия моих хозяев,— постоял у парадного, оглянулся по сторонам, открыл дверь, вошел в дом, запер дверь с внутренней стороны и с облегчением подумал, что теперь-то все странные происшествия этого вечера кончились наверняка и ничто не нарушит покоя этого большого дома, населенного простыми, трудолюбивыми людьми.

Я не спеша поднимался по лестнице, и вдруг у меня опять появилось ощущение тревоги, мне почудилось, что я на лестнице не один, что кто-то притаился в окружающем меня мраке, что меня кто-то ждет и вот-вот схватит невидимыми руками...

Я замедлил шаг, потом остановился, напряженно вслушиваясь в тишину.

Внезапно вспыхнул свет, выхватив из тьмы ступеньки лестницы, серую стену...

Почти мгновенно я сообразил, что кто-то засветил надо мной электрический карманный фонарь...

Вверху, на лестничной площадке, стояла все та же незнакомка, которую я сопровождал по набережной Даугавы и не более как час назад видел в зале ночного ресторана.

Она стояла прямо передо мной, в своем светлом пальто, под которым виднелось черное бархатное платье, руки ее были заложены в карманы, а прищуренные зеленоватые глаза устремлены на меня.

Я не успел ее о чем-либо спросить; она неторопливо вытянула из кармана правую руку, подняла, и я увидел направленное на меня дуло небольшого пистолета.

— Однако...— сказал я, и прежде чем она выстрелила — это запомнилось мне совершенно отчетливо, — услышал приближающийся издалека грохот и... потерял сознание.

Продолжение следует.

КРЫЛЬЯ

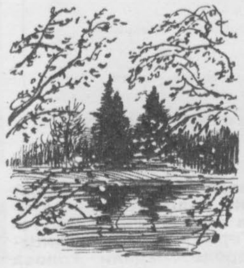
Александр НИКОЛАЕВ

Шел самолет «ТУ-104».
Я вниз глядел во все глаза.
Внизу почти по всей Сибири
Разбушевалася гроза.

В машине из стекла и стали
Над Иртышом я в небе пел:
«Во мраке молнии сверкали,
И беспрерывно гром гремел».

Внизу блистало и гремело,
Внизу кипели облака,
А я смотрел на это смело,
Как говорится, свысока.

Расположившись в мягком кресле,
В своих глазах я словно рос:
Каких мне гроз бояться,
Если
Я смог забраться выше гроз!

Весенние строки

Валентина ТКАЧЕНКО

Оттепель

День проснулся от вешней капели,
Встрепенулись родные леса,
И над каждой ольхой зазвенели
Желтогрудых синиц голоса.

А в колхозном омшанике пчелы
В темноте веселее гудят:
Будто снятся им верб частоколы,
Белых яблонек снится наряд...

На пласты ноздреватого снега
Солнце чистое золото льет,
И петух васильковое небо
С наслажденьем из лужицы пьет.

Первый гром

Я порадуюсь первому грому
И ладони дождям протяну,
Поспешу из родимого дома
Голубую приветить весну.

Обойду я все стежки-дорожки,
На лесную взгляну красоту,
И берез золотые сережки
В непослушную косу вплету.

Под серебряным дождиком частым
Отогреюсь и, сердцем ясна,
Запою непременно о счастье:
Ведь его принесла мне весна.

Перевел с украинского
Марк ШЕХТЕР.

НЕБО

Ф. ЕФИМОВ

Стирала прачка,
полоскала,
по лужам
синьку расплескала.

Бросал, играя, в лужи
мальчик
за одуванчиком одуванчик.

Но закружился
вихрь кудлатый
и лужи те
унес куда-то,
где все они
в одну сливались
и звездным небом оказались.

Смоленск.

Утренняя свежесть

Иван ЕРОШИН

Обильна роса на траве. Приятно при свежести ранней
Шагать по тропинке крутой. Здесь горы в пушистом тумане
И неба глубокая синь, а лес первобытный, хороший...
В котомке моей за спиной бесценная, щедрая ноша:
Тетради, простой карандаш, создание старца Гомера...
А скалы — как рада им кисть! — морщинисты, мощны и серы!..
Люблю я Отчизну мою, ее ветровые просторы
И это величье поэм — гигантски взнесенные горы.
Туда я охотно иду, где труд ежедневный, упорный,
Как нивы, там русская речь, слова — полновесные зерна.
На сплав, к рыбакам я спешу, на ру́дник, в таежные пади,
Где просятся рыба и зверь в мои черновые тетради...
Богатства несметные недр, старатели с жизнью суровой...
Прохлада альпийских лугов, деревни под дымкой лиловой...
В народе великом, родном, в труде его, доблести, славе
И думы, и счастье мое, и стих мой в отменной оправе.

АПРЕЛЬ В ТАЙГЕ

Тайга — это не только гигантские кедры, глухие завалы, непроходимые чащи. Высоко в горах, на перевале, стоит наперекор всем ветрам карлик-кедр. Оказывается, ему около пятидесяти лет. Под ударами ветра его ветви-флажки вытянулись в сторону южного склона, откуда идет весна.

А внизу, по берегам вздувшихся изумрудным льдом рек, раскидала свои серебристые хохолки верба. Апрель в этом году в Горной Хакассии суров. Но, как видите, и тридцатиградусный мороз бессилен перед первым весенним цветком.

И, как предвестник ярких альпийских цветов, торчат из-под снега сухие головки мака, разбросавшие еще осенью свои семена.

Художник
Б. ЖУТОВСКИЙ

Горная Хакассия.

На нашем сельском аэродроме

Мы, жители села Ново-Николаевка, хотим выразить благодарность коллективу Запорожского аэропорта за хорошее обслуживание отдаленных районов нашей области.

От нашего поселка до Запорожья автобус идет три часа; в дождливую погоду и вовсе не проедешь, потому что не закончено строительство дороги. Тем ценнее для колхозников воздушное сообщение. Полет из Ново-Николаевки до Запорожья занимает всего двадцать минут. И если собирается много пассажиров, то самолет курсирует вне графика, пока не перевезет всех.

Высылаем с этим письмом и рисунок. Как смогли, запечатлели сцену на нашем сельском аэродроме.

Н. и А. ЖАГЕЛЬ

Запорожье.

Сатирическая медаль

Эта медаль — своеобразный памятник политической сатиры. Она появилась в 1543 году в Германии. На лицевой стороне медали голова папы римского. Повернув медаль на 180 градусов, мы видим голову дьявола. Латинская надпись в переводе означает: «Нечестивая церковь имеет наружность дьявола». На обороте — голова католического епископа и голова шута, что также сопровождается надписью: «Дураки иногда умнее».

Медаль была настолько популярной, что в разных вариантах выпускалась в XVII и XVIII веках. Экземпляры ее имеются в наших крупных музеях.

А. ШИШКИН

Днепропетровск.

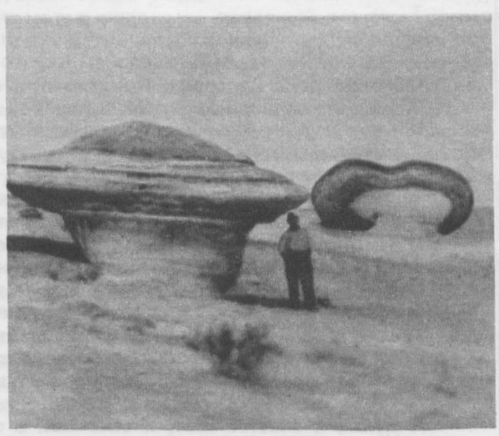

КАМЕННЫЕ ГРИБЫ

С геологическим отрядом мне довелось побывать на полуострове Мангышлак. Исполинские каменные грибы, которые запечатлены на снимке, кажутся делом рук человека. Но создал их ветер.

Е. ПОДПОРИНА

Москва.

ПОДАРОК ИНДИРЫ ГАНДИ

Маленькая Индира Богданова из Котласа получила от своей индийской тезки — Индиры Ганди — чудесный подарок. Кукла одета в индийский костюм, но имя ей дали русское — Катя.

В письме отцу девочки, А. И. Богданову, дочь премьер-министра Индии писала:

«Я посылаю индийскую куклу вашей дочери, которую вы назвали моим именем.

В Индии существуют различного рода костюмы. Эта кукла одета в один из костюмов штата Бомбей...

Пожалуйста, передайте эту куклу маленькой Индире с моими добрыми пожеланиями.

Искренне ваша Индира Ганди».

Е. СОКОЛОВ

Котлас.

Наказанный барс

Однажды утром жители маленького кишлака Хут в долине реки Шахдары (Горно-Бадахшанская автономная область, Таджикской ССР) были свидетелями дерзкого нападения снежного барса на домашних коз. Зверь схватил и задушил козу и начал пожирать ее под скалой в ста метрах от селения. Хищник не обращал внимания на крики людей и лай собак. Шофер Памирского ботанического сада Ямин Замиров схватил мелкокалиберную винтовку и направился к барсу. Зверь близко подпустил к себе охотника и стал играть с ним в прятки между скалами и камнями, а потом скрылся.

На следующее утро барс снова задушил козу. Насытившись, он лег отдыхать под скалой. Внимание барса было отвлечено криками людей и лаем собак, и Замиров подошел близко к зверю. Меткий выстрел из мелкокалиберной винтовки уложил дерзкого хищника на месте.

Профессор А. ГУРСКИЙ,
директор Памирского ботанического сада.

Хорог.

ПОРТЬЕРА

Маленькая сказка

— Ну, теперь мы с тобой никогда не расстанемся,— шепнула гвоздю массивная портьера, надевая на него кольцо.

Кольцо было не обручальное, но, тем не менее, гвоздь почувствовал, что ему придется нелегко. Он немного согнулся под тяжестью и постарался поглубже уйти в стенку.

А со стороны все это выглядело довольно красиво.

Ф. КРИВИН

Ужгород.

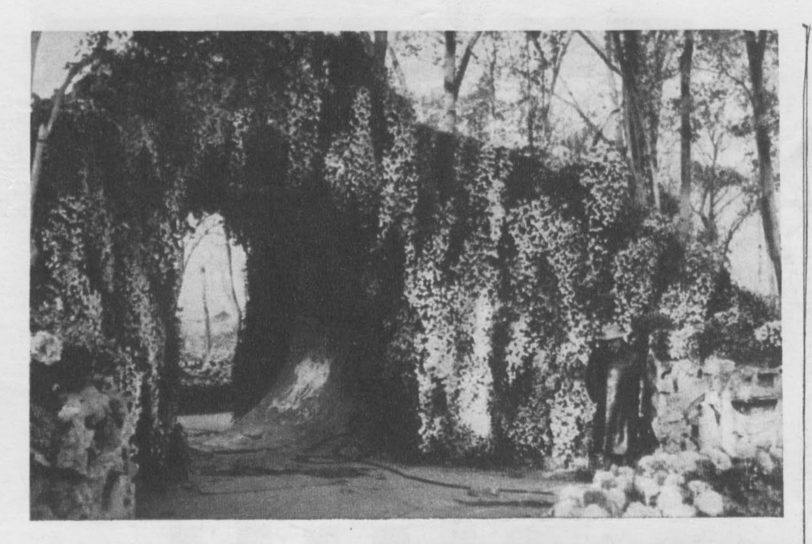
Серебро из фиксажей

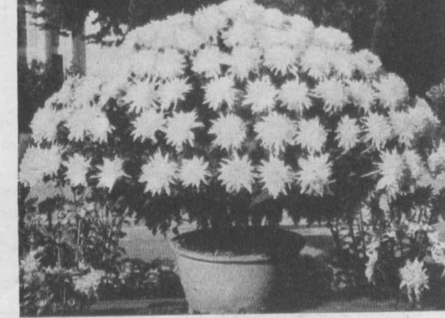
Учащиеся восьмых классов 408-й московской школы организовали сбор фотографических фиксажей, содержащих серебро. В районных фотолабораториях, в рентгеновских кабинетах больниц отработанные фотрастворы сливались в бутылки; в них в результате реакции с сернистым натрием образовывался черный нерастворимый осадок сернистого серебра, который промывался, фильтровался и высушивался. Осадок сернистого серебра содержит от 83 до 85 процентов серебра. Для получения чистого серебра надо прокалить осадок при температуре 950—1000 градусов, добавив небольшое количество соды и селитры.

За три месяца восьмиклассники собрали и сдали Московскому заводу вторичных драгоценных металлов около двух с половиной килограммов сернистого серебра.

С. ПРЯНИШНИКОВ,
инженер-химик.

Москва.

КИТАЙСКИЕ ХРИЗАНТЕМЫ

Китай — родина прекрасных хризантем. Эти осенние цветы культивируются здесь около трех тысяч лет. Насчитывается не менее тысячи сортов, различающихся размерами соцветий, строением и формой лепестков, а также очень разнообразными оттенками лиловой, оранжевой, желтой и белой окрасок. На прошлогодней выставке хризантем в Пекине экспонировались растения с очень редкой, бледно-зеленой расцветкой лепестков.

В разных провинциях и городах Китая сложились свои приемы культуры хризантем. В Пекине и многих северных городах основное внимание уделяется величине и красоте соцветий и нередко выращивается один крупный цветок на растении. На юге страны любители стараются вырастить мощные кусты с большим числом соцветий в форме полушария, диска, экрана, звезды. Иногда из соцветий образуют иероглифы, составляющие тексты лозунгов и приветствий.

Замечательные растения, запечатленные на снимках, китайские садовники вырастили при помощи многократных пересадок кустов обильного их питания и прищипываний побегов для образования разветвлений. За две — три недели до цветения бутоны закреплялись на проволочном каркасе, который потом убрали.

Хризантемы, выращенные по китайскому способу, могут служить превосходным украшением наших городов и квартир.

Профессор А. ДРАГАВЦЕВ

Пекин.

КУЛАНЫ

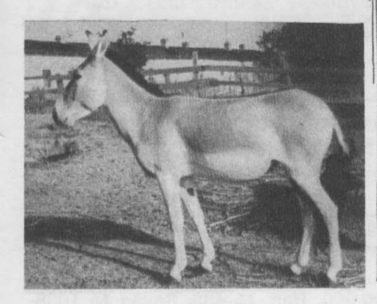
Еще лет сто назад в пустынях и степях Средней Азии и Казахстана водился замечательный зверь — дикий осел, или кулан. Ростом с небольшую лошадку, желтой масти, с белыми ногами и белым животом, кулан совмещает признаки лошади и осла и называется еще полуослом. Впрочем, ослиного в нем больше: крупная голова, более длинные, чем у лошади, уши, а главное — тонкий ослиный хвостик с кисточкой.

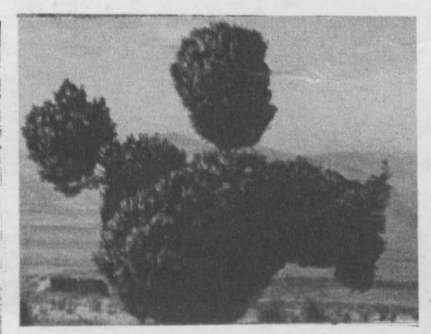
Вкусное мясо, прочная мягкая кожа и приписываемые куланьему жиру целебные свойства явились причиной почти повсеместного его истребления. Уже к началу нынешнего столетия он стал редким животным. В настоящее время в пределах Советского Союза кулан сохранился лишь на юге Туркмении, на территории Бадхызского государственного заповедника.

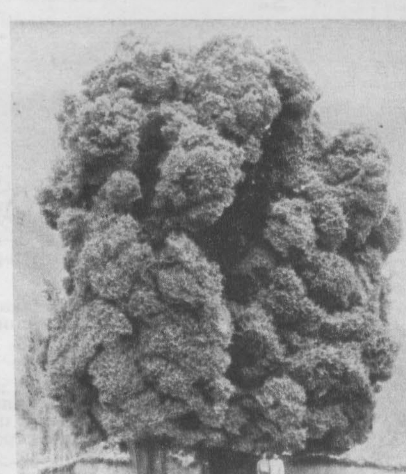
Несколько лет назад небольшая партия куланов из Бадхыза была завезена на остров Барса-Кельмес в Аральском море. На новом месте куланы нашли благоприятную обстановку, оказались хорошо приспособленными к местному климату и корму.

И. СОКОЛОВ, доктор биологических наук.

Ленинград.

Причуды природы

В Таджикистане, далеко от населенного пункта, я увидел дерево причудливой формы. Пожалуй, оно похоже на огородное чучело. Другое дерево снято в кишлаке. Посмотрев на него, невольно вспоминаешь взрыв.

К. САИДОВ

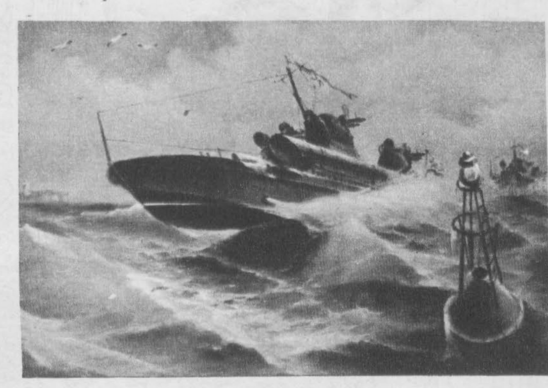
Сталинабад.

КАРТИНА МИЧМАНА

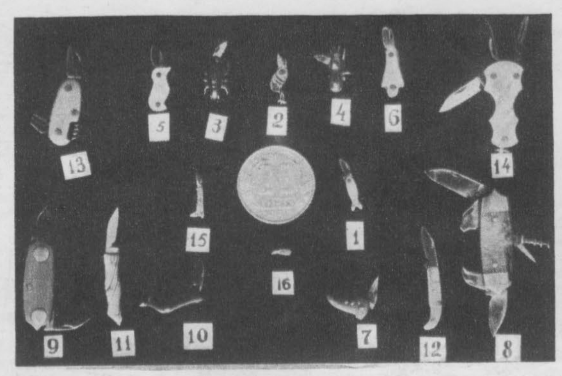
На Черноморском флоте есть подразделение торпедных катеров, прославившееся своими боевыми делами в годы войны. Почти с момента образования подразделения служил в нем мичман Карпов. Сейчас Карпов вышел в запас и живет в Очакове. А в военной части осталась написанная мичманом картина, на которой изображен момент из жизни катерников.

В. КИЗЕЛЬШТЕЙН, старшина второй статьи запаса.

Евпатория.

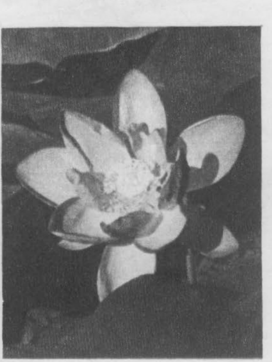
Ножи-малютки

Миниатюрные ножи, сделанные современными павловскими умельцами, хранятся в промышленном музее города Павлова. Нож-рыбка весит 0,25 грамма (№ 1), нож-блоха (№ 2) — 0,4, нож-ботинок (№ 7) — 0,9 грамма.

А. МАРТИСТОВ

Павлово.

Лотос в школе

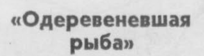
В городе Каспийске минувшим летом впервые зацвел лотос. Его вырастили натуралисты в саду школы № 2 из семян, присланных Астраханским государственным заповедником. Надеемся, что лотос будет цвести каждый год.

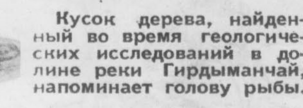
Учительница А. АСАНОВА

Каспийск.

Фото О. Абуталимова.

«Одеревеневшая рыба»

Кусок дерева, найденный во время геологических исследований в долине реки Гирдыманчай, напоминает голову рыбы.

М. АГАБЕКОВ

Баку.

ЛУНАТИК И ЛЮБОПЫТНЫЕ.

И. ТЮКАВИН, студент педагогического института

Москва.

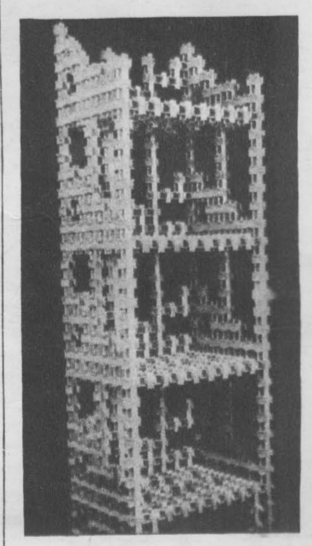
Прозрачный рояль

В одном из номеров «Огонька» я прочитал заметку ленинградского инженера, изготовившего скрипку из органического стекла. И вот на моем студенческом столе стоит прозрачная модель рояля, который чуть выше спичечного коробка. На крышке выгравирована часть Большого зала Ленинградской филармонии, на боковых стенах — медали с видами Ленинграда.

Все это сделано мною из органического стекла с помощью напильника. Единственно, о чем можно пожалеть,— об отсутствии звука.

А. ПЕТРОВ

Ленинград.

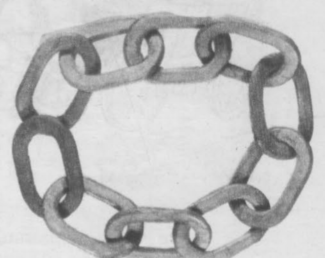

Без гвоздей и клея

Этажерка состоит из четырех тысяч совершенно одинаковых деталей, собранных без единого гвоздя и без клея. Изготовил ее Титас Милашюс из города Зарасай Литовской ССР.

Е. АНДРИЯУСКЕНЕ

Зарасай.

Цепь из дерева

Еще в детстве я слыхал, что из целого куска дерева можно сделать цепь. Став столяром пятого разряда, я попробовал вырезать такую цепь, и после многих попыток моя затея удалась.

А. ШИРОКИХ

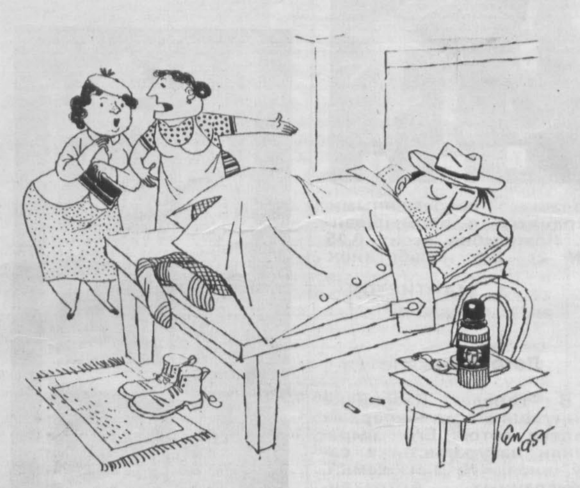
Енисейск.

КАРИКАТУРЫ Иштвана ЭНДРЕДИ (Венгрия)

В одной буржуазной стране.

— Прошу вас, снимите свой головной убор. Моя жена не видит сцену.

— Мой муж привык к командировкам и так спит дома.

Для туристов: «Вулкан не действует».

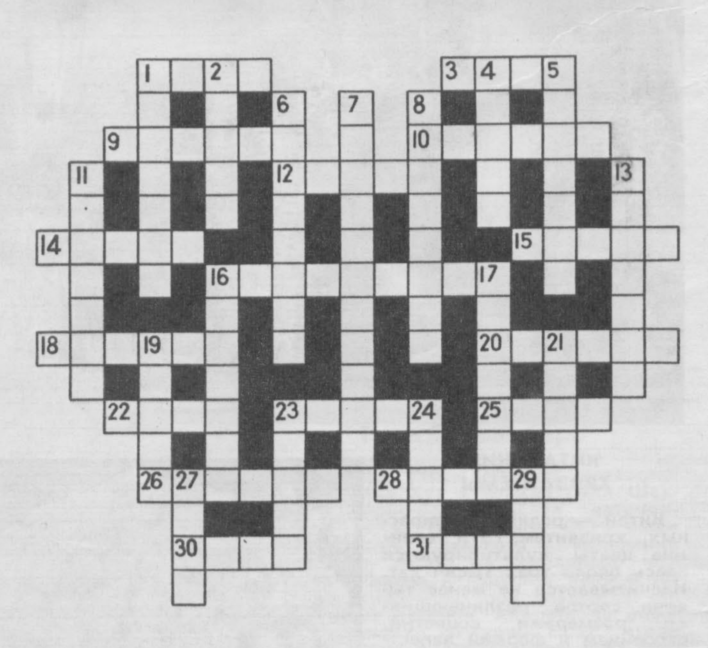

— Эта лошадь раньше служила в цирке.

Выключили электричество.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Стихотворение А. С. Пушкина. 3. Система блоков для поднятия тяжестей. 9. Теснина, ущелье. 10. Скульптурное изображение. 12. Объединение предприятий. 14. Остров в Эгейском море. 15. Шерстяная ткань. 16. Птица отряда воробьиных. 18. Спортивная игра. 20. Искусственное земляное возвышение. 22. Город в Московской области. 23. Река в Югославии. 25. Промысловая речная рыба. 26. Деревья или кустарники семейства бобовых. 28. Уссурийский крот. 30. Простейший оптический прибор. 31. Подъемное устройство.

По вертикали:

1. Часть речи. 2. Щит Зевса в греческой мифологии. 4. Бразильский писатель. 5. Драгоценный камень. 6. Немецкий композитор. 7. Специальность рабочего. 8. Родник. 11. Казахский народный поэт. 13. Исчезновение гласного звука в середине слова. 16. Цилиндрический сосуд, применяемый при бурении скважин. 17. Карельский музыкальный инструмент. 19. Лесной зверек-грызун. 21. День недели. 23. Опера З. П. Палиашвили. 24. Коралловый остров. 27. Пьеса В. В. Маяковского. 29. Равномерное чередование, размеренность.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

По горизонтали:

7. Расклепка. 11. Солнце. 12. Марина. 13. Пароксизм. 14. Бойль. 15. Февраль. 16. Склон. 19. Парник. 20. Блесна. 21. Лактометр. 22. Усмань. 23. Родник. 24. Партитура. 29. Лекало. 30. Иловля. 31. Анион. 32. Антонио. 33. Гарна. 36. Постамент. 37. Стекло. 38. Анкета. 39. Растиньяк.

По вертикали:

1. Кантилена. 2. Крепь. 3. Электропрофилирование. 4. Гамма. 5. Бересклет. 6. Доброкачественность. 8. Сердечник. 9. Присловье. 10. Многозначительность. 17. Скульптор. 18. Аберрация. 25. Рыбонасос. 26. Усилитель. 27. Садовские. 28. Пожарский. 34. Апорт. 35. Атака.

Находчивый вратарь. (Плакат на воротах: «Ввиду ремонта закрыто. Ближайшие ворота — напротив»).

На вкладках этого номера: репродукции картин В. М. Васнецова «Аленушка», «Богатыри», «Витязь на распутье», произведения филиппинских художников и две страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 04225. Подписано к печати 7/V 1958 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 400 000. Изд. № 435. Заказ № 1038.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Весной

Пришла весна в мои края,
В зеленом кружеве леса.
Пойдем, любимая моя,
Березкой полюбуемся. } 2 раза

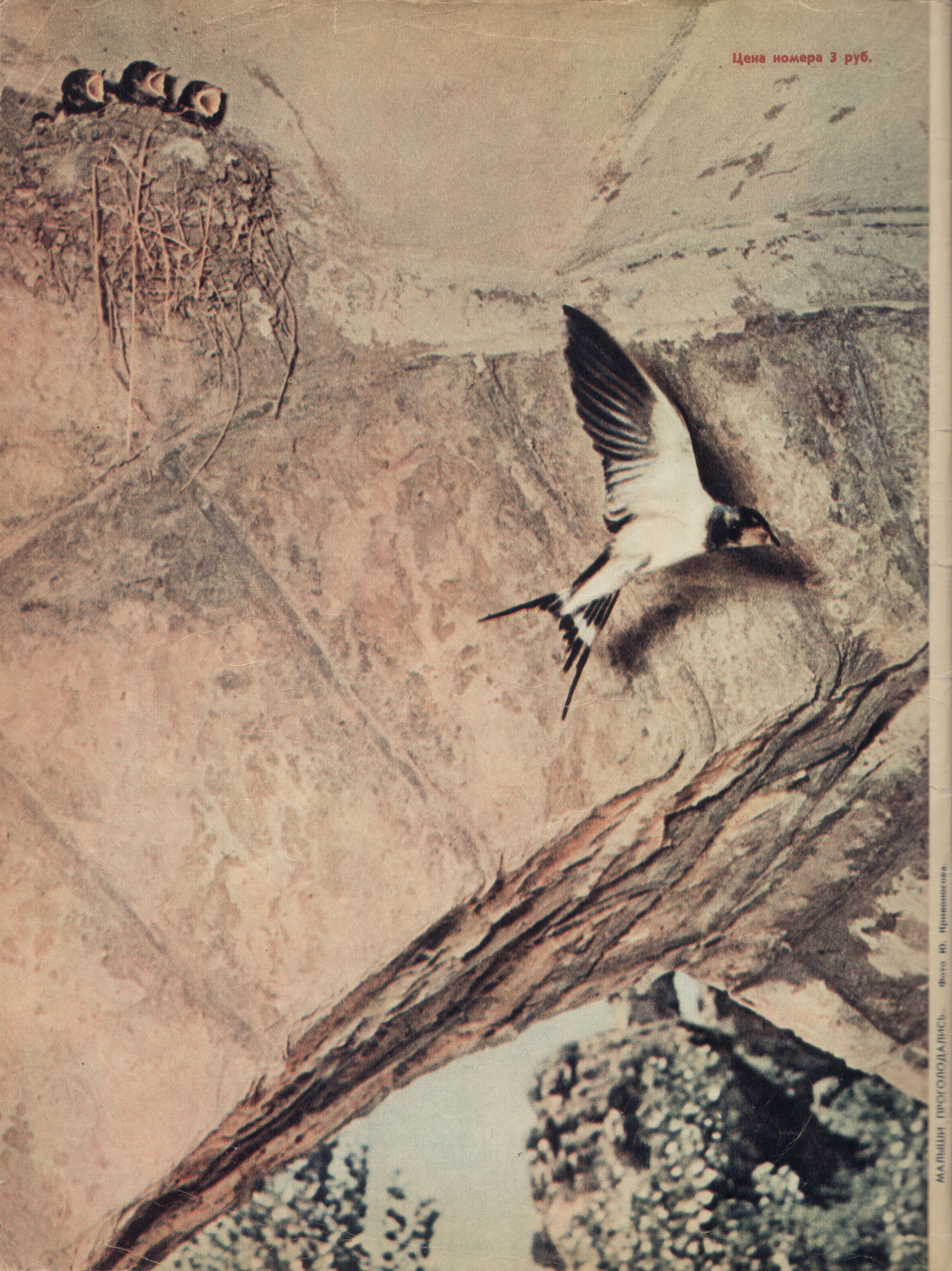
Стоит береза на бугре
И кажется невестою,
А соловейка на заре
Поет ей песнь известную. } 2 раза

Природа снова молода,
Бегут ручьи весенние...
Любовь не тихая вода,
А бурное течение. } 2 раза

Проходят пары над рекой,
Гармошка заливается.
Любовь, друзья, вопрос такой,
Который всех касается! } 2 раза

Слова Вл. ХАРИТОНОВА.

Музыка А. НОВИКОВА.

МАЛЫШИ ПРОГОЛОДАЛИСЬ... Фото Ю. Кривоносова.